

АЛЕКСАНДР КУРЕВИН

АЛЕКСАНДР КУРЕВИН

СЛАБОЕ МЕСТО

18+

Александр Куревин
СЛАБОЕ МЕСТО

«Автор»

2026

Куревин А. В.

СЛАБОЕ МЕСТО / А. В. Куревин — «Автор», 2026

Алексей Рукавишников хочет разобраться, имеет ли девушка, так нравящаяся ему, отношение к гибели двух людей: двоюродного брата Алексея и его бывшего дипломного руководителя. Кто она, Ольга Остроумова, романтическая натура, вовлеченная негодяем-мужем в свои темные дела, или сама - талантливая интриганка?..

© Куревин А. В., 2026

© Автор, 2026

Александр Куревин СЛАБОЕ МЕСТО

*Все события и персонажи вымышлены.
Любые совпадения случайны.*

Артем Скрябин откинул с высокого лба черные, длинные, вьющиеся волосы и встал перед зеркалом вполборота так, словно собрался петь арию. Он смерил свое отражение комично-надменным взглядом темно-карих глаз.

«На земле весь род людской,
Чтит один кумир священный,
Он царит над всей вселенной,
Тот кумир телец златой».

Если бы он мог петь вслух так, как в душе, то сделался бы оперным певцом, толстым господином во фраке с холеной бородой. Ездил бы с гастролями по миру, это лучше, чем пойти по миру, как, вероятно, скоро придется сделать всем ученым их вуза, не блещущим коммерческими талантами...

Новый джемпер отлично подходил к фирменным джинсам. Скрябин представил себе, как она кладет ему руку на плечо, прижимается щекой к его щеке, шутливо стонет: «М-м-м», — вдыхая запах дорогого мужского одеколona.

Его месть заведующему кафедрой упоительна! Жена Потоцкого стоит всех тех идей Артема, к которым лошениый бездарь, ее муж, добавил свое соавторство!

Впрочем, надо признать, хоть в науке он — ноль, организатор — отменный. В их время это приобретает определяющее значение. Всем стали нужны деньги. Не зря комсомольцы поперли в бизнес, не говоря уже о старших товарищах...

Заведующему кафедрой с Артемом крупно повезло! Помимо научных разработок, сколько раз он уже подсказывал шефу, где можно заработать копеечку? Однако, ту свою идею, на которой Потоцкий решил неслабо набить карманы, не заплатив ее автору ни копейки, вообще забыв о нем, Артем ему даром не отдаст. Шалите, Эдуард Витальевич! «Ваша молодая супруга — это расчет за все то, что вы слямзили у меня в науке! — подумал Скрябин. — А за коммерческие идеи положено отстегивать чистоганом!»

Он вспомнил, как вытянулось лицо руководителя, когда Артем предъявил ему счет. Платите, любезный шеф! Раскошеливайтесь, иначе...

Иначе Артем не получит ничего, но вся компания аферистов отправится далеко и надолго!

Скрябин терпеливо наблюдал, как шеф колесит по городам и весям, связывая ниточки в один узелок. Потоцкий думал, Артем не понимает, что он воплощает в жизнь именно его мысль? И так, неплохо попользовался...

Впрочем, почему же Артем не получит ничего? Ему достанется прекрасная женщина! Победитель получает главный приз!

Но, коль скоро завкафедрой раскошелится, Артем все равно уведет у него жену, только позже. А пока — в тайных свиданиях есть своя прелесть.

«Жаль, некому рассказать о своих новых победах, — пожалел Скрябин. — Братец Леха где-то мотается. Он единственный, кому Артем все может выложить без утайки, хоть тот своими шуточками порой доводит его до белого каления. Как он выразился, когда Артем решил остаться на кафедре и поступил в аспирантуру? Поздравил с обращением в книжные черви!

— Не место красит человека, а человек место, — напомнил ему тогда Артем.

— С тобой согласится любой маляр-штукатур, но не согласится обыватель, пропустивший мимо глаз табличку «осторожно, окрашено», — прикалывался брательник.

Когда Артем поведал ему о своем успехе у красавицы — жены заведующего кафедрой, то не мог сдержать своего восхищения:

— Любой мужик смотрит на нее и чувствует одно и то же: видит око, да зуб не ймет! Так и хочется нарушить заповедь насчет жены ближнего...

— Нарушая заповедь Ветхого завета и хватаясь за чужую талию, легко самому попасть под принцип талиона: «Око за око, зуб за зуб!»

Конечно, Леха не видел ее...

Еще, Леха не хотел понимать, что пришло время делать деньги.

— Главное смотри, чтобы деньги не «сделали» тебя, — говорил он Артему. — Знаешь, сколько «тореадоров» забодал золотой теленок, даже не успев еще стать бычком? Все твои идеи, Тема, пахивают криминалом...

Слишком он стал правильный, Леха. А в детстве слушал брата, открыв рот, когда Артем учил его, как отжать денег в маршрутке, передавая на билеты, и вовремя сойти. Забыл, как они вместе трескали шоколадные батончики, купленные на ворованные деньги, валяясь после «дела» на траве в школьном саду, и курили, не в себя, балуясь, дорогие сигареты, которые брал пацанам на их деньги добрый дядя?..

Скрябин собрался выходить из дома, когда раздалась трель звонка. Он посмотрел в глазок и прошептал: «Ну вот, на ловца и зверь бежит!»

Артем Скрябин не увлекался охотой, поэтому не знал: если загнанный в угол опасный зверь бросается на охотника, еще неизвестно, кто обречен...

Горьковский институт водного транспорта потрясло известие о трагической гибели аспиранта кафедры судового оборудования Артема Скрябина. Поползли слухи, что молодой ученый покончил с жизнью из-за отношений с женой своего начальника, Эдуарда Витальевича Потоцкого.

Эдуард Витальевич с возмущением опровергал подобные слухи. О Скрябине он отзывался как о безусловно талантливом молодом человеке, авторе многих научных публикаций.

Жена Потоцкого, хоть и была подавлена, но также категорически отвергала все обвинения в романе с коллегой мужа, заявляя, что ничего, кроме простой симпатии к интеллигентному и обаятельному молодому человеку, с ее стороны не было. Как относился он к ней, она не знает. Объясниться он никогда не пытался...

Друзья Скрябина признавали, что Артем был яркой, но, вместе с тем, крайне импульсивной личностью, что называется — человеком настроения.

Единственным, кто не поверил в версию самоубийства, был двоюродный брат Артема Алексей.

«Я хорошо знал его, — уверял он следователя с юмором, быть может, не вполне уместном в данном случае. — Тема считал себя гением и очень любил за это. Он не стал бы ни из-за кого вешаться. Даже я не стал бы, несмотря на то, что недавно вернулся из армии, где призыв: «Вешайся!» — слышал каждый день, а он — тем более. И вся его импульсивность, о которой говорят его приятели, была по большей части показухой. Он считал, что гению положено себя так вести и, между прочим, ни в чем себе не отказывать, подобно тому, как творческой личности необходимо периодически уходить в запой из-за мук этого самого творчества.

— А вы так не считаете? — спросил любопытного родственника Артема следователь, который и сам не прочь был пофилософствовать.

— Я считаю, что все настоящие, законченные вещи делаются, во-первых, людьми сильными, поскольку требуется перелопатить уйму рутины для того, чтобы воплотить в жизнь малюсенькую, как клоп, искорку вдохновения, во-вторых, на трезвую голову. Артем, между

прочим, тоже не бухал, когда рассчитывал свою чудо-воздуходувку на кафедре, и вообще, он берег себя...

Тем не менее, эксперты не нашли, ни признаков насилия на теле Скрябина, помимо странгуляционной борозды на шее трупа, ни каких-то ярко выраженных следов пребывания чужих в квартире, которую снимал Артем в верхней части Нижнего Новгорода. Жилье было заперто, ключи лежали на полочке перед зеркалом. Хоть Скрябин и не оставил предсмертной записки, все говорило за то, что имел место суицид...

— Алексей, — позвал Рукавишников его сосед справа, непосредственный (во всех отношениях) начальник, Саша Губарев, выглядывая из-за чертежной доски. — Ты знаешь, что такое «картинг»?

— Мне кажется, — не задумываясь, ответил Рукавишников, — это когда человек седлает такую пародию на автомобиль, сконструированную мотоциклистами...

— Это у них, — возразил Губарев. — А у нас «картинг» — это набивка карт. — Он помахал картонной перфокартой.

— Ясно, — вздохнул Алексей, предвидя новую вводную. Он заметил, что другой рукой шеф разминает сигарету. — «Смокинг» у нас, чувствую, тоже — не форма одежды...

— Верно. — Губарев поднес к носу и с удовольствием понюхал сигарку. — Это я к чему говорю, про карты? Ты, смотрю, чертежи по проекту десять три пятерки закончил, к спецификации приступаешь? Не забудь, теперь всё на машине, в рукопашную больше не делаем.

— Слушаюсь, кэп, — еще раз вздохнул Алексей. Он не любил свою работу в той части, где надо было шевелить мозгами. Гораздо спокойнее, когда механически переносишь с чертежа-прототипа на свежий лист ватмана все то, что и в новом проекте не меняется. Можно в мыслях унести далеко от судового проектирования...

Голова Губарева исчезла за доской, а Алексей, почувствовав на себе чье-то внимание, посмотрел налево. Из-за своего стола на него весело поглядывал «отец русской вентиляции» — Иван Петрович Чугурнов. Взирая на его массивный лысый череп и квадратные очки, Алексей нисколько не сомневался в том, что, если бы Чугурнов захотел, он смог сконструировать такой вентилятор, что весь их отдел систем сдуло б к едреней фене, чего ему, несомненно, порой и хотелось. С начальником сектора Дмитрием Альбертовичем Татаринцевым у «отца» в последнее время случались стычки. Хотя прежде они, говорят, были друзьями, вместе работали в Ираке и на Кубе. Особенно, на Кубе. По слухам, там у Чугурнова завелась зазноба, местная аборигенка. Была ли она кубинской партизанкой, история умалчивает, быть может — лишь в отношении собственного мужа?.. К сожалению, Алексей был слишком молод для того, чтобы выпивать вместе с «отцом русской вентиляции» и слышать эту байку из первых уст. Приходилось пока удовлетворяться пересказами. Но, Рукавишников, понимая свое место, не привередничал, и, хотя знал, что конструктор обязан руководствоваться первоисточником, слухами тоже не брезговал. Ему оказали высокую честь, пригласив на пьянку к Саше Губареву, где собрались его друзья, такие же корифеи — Гоша Куржумов из сектора систем охлаждения и Слава Клязьмин из отдела комплектации. За тот вечер уши у Алексея, кажется, изрядно увеличились в размерах. Печень, правда, тоже...

— Надо идти в ногу со временем, — назидательно сказал Чугурнов, поддерживая напоминание Губарева, — иначе конкуренты станут наступать на пятки.

Рукавишников хотел спросить, какие пятки у смуглых кубинок, темные, или светлые? Щекотал ли шаловливо Чугурнов свою милую?.. Но, не решился. Лишь согласно кивнул из уважения к старшему коллеге, и устался в окно, на тыльную сторону здания, известного всем нижегородцам как «Серый слон». Первый этаж там занимал ресторан, место очень популярное, в том числе и у сотрудников Центрального конструкторского бюро «Флагман».

На крыше «Серого слона» сидела ворона, такая же серая, и тупо долдонила своим клювом по оцинкованному железу.

— Что за звуки? — с недоумением спросила Валентина Ивановна Пыжис, конструктор первой категории. Алесей незаметно улыбнулся. Вероятно, даме с такой фамилией не все в жизни дается с наскока... Еще, его забавляло то, что конструктора, как яйца, делятся на категории. Вероятно, это потому, что они тоже могут быть крутыми, это Алексей по себе чувствовал. Если уж он упрется...

— Алексей Александрович! — услышал он у себя за спиной. Это начальник сектора приглашал его к себе.

Татаринцев всех называл только по имени отчеству и на «вы», не фамильярничал, оставляя, таким образом, за собой право вы-драть любого, кто вздумает халтурить, как положено начальнику. Дмитрий Альбертович, можно сказать, являлся крестным отцом Рукавишникова, выписавшим ему путевку в жизнь, как судовому конструктору.

Алексей и не думал, что устроился в блатную контору, пока его новоявленный куратор Саша Губарев не спросил, чей он?

— Мне что, про маму с папой рассказывать? — не понял Алексей.

— Родители у тебя молодцы, это ясно, — улыбнулся Губарев. — Раз такого орла вырастили. — Кто в наше КБ, спрашиваю, привел?

— Был у меня один привод... в милицию, — стал добросовестно вспоминать Рукавишников. — После ноябрьской демонстрации немного побузили с друзьями, на третьем курсе... А в остальном — я сам везде приходил. И сюда тоже.

Действительно, отгуляв после армии свои положенные два месяца, он по-простому заявился в отдел кадров «Флагмана», поинтересоваться о вакансии только потому, что проходил здесь преддипломную практику по направлению своего института, а руководителем его дипломного проекта был как раз начальник сектора систем вентиляции и кондиционирования воздуха, Дмитрий Альбертович Татаринцев. Под его чутким наставничеством Алексей лихо оснастил «кондишэном» какой-то буксир. Жаль, что этого не знала команда реального судна, — одолела бы свое парходство вопросами, когда установят?

О том, что кондиционирование вещь полезная, Алексей думал не только в жаркие летние дни, когда теплоприток от солнышка особенно велик (Рукавишников даже мог точно его посчитать), но, особенно, после того, как его непосредственный начальник Саша Губарев имел дерзость в очередной раз заглянуть в обеденный перерыв в бар «Серго слона». Поскольку сапожник, как известно, всегда ходит без сапог, то и в отделе систем кондиционирования кондиционеров тоже не было, поэтому Алексей всегда мог безошибочно определить, посещал ли его непосредственный начальник бар в «Слоне», или нет.

К сожалению, угадать это мог не только Алексей, но и все, ибо, принявшему на грудь Губареву становилось мало лишь двигать линейки своего кульмана по ватману, да опекать Рукавишникова, он стремился помочь в работе всему отделу, норовил постоять и пообщаться с каждым из конструкторов, даже с такими, как Вера Тихая, в чью сторону на трезвую голову он и не плюнул бы (на то были свои причины). Обходил стороной он только начальника сектора, ну, и, конечно, руководителя всего отдела систем Добродеева — тот сидел в своем «аквариуме», и в общем зале появлялся все же реже, чем Губарев — в баре «Серого слона».

Конечно, Татаринцев мгновенно замечал, когда Губарев начинал живо сновать от одного коллеги к другому. Не раз на нарушителя дисциплины крепко наезжали, наказывали рублем, но все-таки не увольняли. Губарев был очень толковым специалистом. Кроме того, мужиков в конторе вообще ценили. Мужики ездили в командировки по всей стране, на все заводы, где только строили суда по проектам «Флагмана», а женщина, ее сколько ни корми, все равно домой смотрит. Поскольку в КБ дамы составляли половину коллектива, или больше, то мужи-

кам приходилось порой колесить по стране и за себя, и за свою соседку. Были, конечно, и боевые тети, но даже у таких, то ребенок заболит, то сама она за следующим отправится... Ведь каждый интеллигентный человек (а только такие и работали в КБ «Флагман») знает, что в семье должно быть двое детей. Желательно, конечно, мальчик и девочка, но это уж как повезет...

Итак, когда Рукавишников пришел в отдел кадров «Флагмана», даже не задумываясь о том, что в организацию, расположенную в пятнадцати минутах ходьбы от исторического центра города — Нижегородского кремля, кого попало не берут, его почему-то сразу не отфутболили, а попросили подождать в холле, к нему сейчас спустятся побеседовать.

Вышел на собеседование с ним, как он узнал впоследствии, не кто-нибудь, а сам начальник механического отдела, Илья Савельевич Борисоглебский. При виде этого мощного, в отменном костюме, серьезного мужчины, явно привыкшего ворочать большими делами, способного, вероятно, если не повернуть вспять реку, то, по крайней мере, — движение судов по ней, Алексей, который в жизни по большей части предпочитал валять дурака, а если прижмут, то — ваньку, не то чтобы испугался, но почувствовал себя немного мошенником, явившимся морочить людям голову.

Дело в том, что с детства вечно что-то изобретал, конструировал, занимался в судомодельном кружке на станции юных техников — до ночи домой не выгонишь! — испытывал свои модели на озерах лесопарка «Щелоковский хутор», соревнуясь с кружковцами других районов города, другой человек, а не Алексей Рукавишников. «Возможно, он давно трудится в КБ «Флагман», — думал тогда Алексей, — поражая руководство смелыми идеями, а, может быть, таких здесь несколько. Может статься — ими заполнены даже все залы всех четырех этажей здания конструкторского бюро». И среди них теперь будет бродить, притворяясь таким же, он, Алексей Рукавишников, ибо его приняли. Приняли, даже не удосужившись спросить, помнит ли он, хотя бы, закон Архимеда? Про закон подлости-то все знают, быть может, он в данном случае и сработал. Рукавишникова взяли, а кого-то нет...

Борисоглебский внимательно выслушал легенду Рукавишникова, почему тот решил устроиться на работу в их КБ, и она его удовлетворила. Татаринцев пользовался в КБ большим уважением. Понравилось также то, что Алексей не нуждался в скорейшем улучшении жилищных условий. Очередь на квартиры, которую требовалось закрывать, была вечной головной болью руководства.

Ну и, конечно, Алексей произвел на начальника механического отдела — одного их опорных столпов своей организации — благоприятное впечатление, как человек хорошо воспитанный. За все время беседы он ни разу не цыкнул зубом, не достал из носа козу, чтобы пристроить ее под сиденье стула, не назвал собеседника на «ты», и вообще не выказал косноязычия, да и одежда, по которой его должны встречать, была выбрана им сообразно случаю, — туфли вычищены до блеска, на брюках стрелочки, поверх красивого джемпера белый воротничок навыпуск — скромно, аккуратно и со вкусом. Короткая стрижка не позволяла заподозрить в кандидате тайного хиппи, способного вызвать беспокойство своим моральным обликом.

Борисоглебский тут же проводил новичка к Татаринцеву, и тот, надо отдать ему должное, был рад видеть Алексея. Рукавишников запомнился ему как студент не только веселый, но и имеющий, на его взгляд, как дипломного руководителя, очень ценное качество: не надоедать и, прежде, чем задать вопрос, постараться подумать самому, чтобы иметь в запасе свой вариант ответа. Разумеется, при таком подходе многие вопросы просто отпадали сами собой, разрешенные дипломником без участия преподавателя, самостоятельно. Конечно, в идеале, было бы хорошо, если бы Рукавишников вообще перестал ездить по вечерам домой к Татаринцеву, а принес на подпись уже готовый дипломный проект. Но, тогда Дмитрия Альбертовича стала бы слегка мучить совесть, что он не отрабатывает своих денег, которые платит ему за дипломника Горьковский институт водного транспорта. Алексей не хотел доставлять такого беспокойства своему руководителю, и иногда все же наведывался к нему. Но, не только поэтому.

Ему просто интересно было пообщаться с новым, тем более — солидным и уважаемым человеком в приватной обстановке. Ведь, чем бы ни приходилось заниматься в своей жизни Рукавишникову, учиться ли в школе, подрабатывать почтальоном, дворником, являться студентом ГИВТа, трудиться грузчиком в отделе снабжения своего института во время академического отпуска, быть бойцом стройотряда на Лене (имеется в виду река), служить в армии, наконец, — его всегда больше интересовали люди, чем то дело, которым приходилось заниматься. Он старался выполнять свою работу добросовестно, но без малейшей опасности сгореть на ней, ибо он не горел.

Вот и как судовой конструктор он мог дать крен скорее в сторону «пофигизма», если честно, нежели карьеризма. Вместе с тем, он чувствовал, что на начальство производит самое благоприятное впечатление потому, что искусно маскируется со своей аккуратностью в одежде, и, особенно, — в сроках сдачи выполненных работ.

— Алексей Александрович, — спросил Татаринцев, когда Рукавишников подсел к его столу, — вы помните, что все расчеты и оформление пояснительной записки по каждому проекту мы обязаны теперь делать на ЭВМ?

— Помню, Дмитрий Альбертович. Мне и Саша Губарев сейчас сказал, — воздал должное дипломат-Рукавишников своему шефу-собутыльнику перед вышестоящим начальником. — У нее хоть память и большая, но и коллектив в КБ тоже не маленький...

Татаринцев улыбнулся. Он привык, что Рукавишников обязательно загнет что-нибудь этакое еще с тех пор, как тот был его дипломником:

— Бланки для ввода данных у вас есть? Запаслись?

— Я мог бы даже с другими поделиться, если бы точно знал, сколько запорю, извините за выражение, не имея навыка.

— Хорошо, — одобрил Дмитрий Альбертович запасливость Рукавишникова.

На самом деле Алексею были чужды замашки хомяка. Просто в архиве, где хранились чистые бланки для ввода данных в ЭВМ, работала очень хорошенькая, но еще больше — стеснительная девушка Света. Алексей ей строил куры, подходя к окошку, чтобы сдать, или получить «синьки» — рабочие чертежи проектов, но ему все время кто-то мешал. Света всякий раз добавляла к стопке Алексея еще несколько бланков для отвода глаз, не смотря на то, что она была во-первых, совершеннолетней, и, во-вторых, как в таких случаях выражался один друг Алексея, рука ее не была обезображена обручальным кольцом. Могла смело отвечать на заигрывание. Тем более, что многих в КБ и наличие колечка на безымянном пальце не смущало... Таким образом, когда Алексей, наконец, оставил скромняжку, в его стопке бланков хватило бы уже на пять пояснительных записок, тогда как выпустить ему пока требовалось, хвала всевышнему, всего одну.

— Алексей Александрович, — завел разговор Татаринцев о главном, ради чего позвал Рукавишникова. Не о бланках же узнать, на самом деле! — Я прошу вас постараться, закончить с пояснительной запиской по проекту десять пятьсот пятьдесят пять на этой неделе, потому что на следующей надо съездить в командировку в Навашино, не надолго, а затем, на более длительный срок, — в Выборг. Вы как?

— Я готов, Дмитрий Альбертович. Постараюсь, чтобы и спецификация была готова... Если же немного не уложусь, то вы позвоните, пожалуйста, в Выборг, пусть там без меня не начинают, я скоро буду...

Татаринцев посмотрел на абсолютно серьезное лицо Рукавишникова и беззвучно засмеялся.

— Постарайтесь, все-таки, уложиться, — попросил он Алексея, дотронувшись до его плеча в знак того, что больше его не задерживает. Татаринцев знал, если порой Рукавишников и болтает что попало, то делать он все-таки старается то, что надо.

Когда Алексей вернулся на свое место, за второй стол у окна (первый занимал «отец русской вентиляции» Чугурнов, второй, значит, Рукавишников, третий — Губарев, и так далее), к нему подошел Володя Варский, «живущий» в самом последнем «доме» оконного ряда.

— Привет.

— Здорово, Володя.

Они пожалим друг другу руки.

Рукавишников примчался сегодня на работу со звонком. В их «почтовом ящике» все было по звонкам — приход, уход, обед первой смены, обед второй смены. Хочешь выйти на улицу — выписывай увольнительную у начальника сектора. С Варским они еще не виделись.

— Как выходные? — спросил Варский.

— Да, как... — с ленцой в голосе отвечал Рукавишников. — Дома провалялся. Погода, сам видел, не баловала. Два дня дождь...

На самом деле все выходные Алексей не провалялся, а просидел за столом, поскольку, то, что он не горел на работе, еще не означало, что и во всем он был холоден, как весенняя лягушка. Но о своих далеких от судового проектирования делах Алексей никому в КБ никогда не стал бы рассказывать, особенно, после того, как эти дела начали приносить некоторый результат. Иначе на него станут смотреть широко открытыми глазами. Но — недолго. Потом закономерно возникнет вопрос, а что он делает в КБ? И, главное, долго ли он здесь пробудет? Стоит ли на него тратить силы, деньги, присваивать очередную категорию?..

Этого он и сам не знал — сколько? Может быть, еще полгода-год, а, может быть, всю жизнь. Превратив увлечение в работу, считал Рукавишников, причем — в единственную, он поневоле оторвется от жизни, всякий раз станет искать предлоги, чтоб вернуться в нее. Как это у газетчиков называется? Журналист меняет профессию? Это можно. Только, как смотрят, например, сталевары, на корреспондента в их робе? Как на своего? Все ему рассказывают? Да, нет же — как на ряженого. Словом, чудака. А, если он напишет потом про них что-нибудь совсем нелепое, то и — чудака на букву «М». Зачем Рукавишникову это надо? Он не журналист, он — конструктор. У него даже запись в трудовой книжке есть, если кто не верит...

Он и в интервью немецкому журналу так представился, как инженер-конструктор по профессии. При этом оговорился, что о своей работе не скажет ни слова. На фигу ему заморочки с первым отделом?..

— А вы как, репетировали? — спросил он Варского.

— Да. В театре и субботу, и воскресенье провели. Премьера через две недели, а у нас из-за того, что Мэри Поппинз в декрет ушла, все валится. Нет, Алка поет даже лучше, чем Панкратова. Если б она еще играла, как та! Вокалом-то она с детства занимается, а в театре — первая роль, и сразу — главная! Смущается, не может раскрепоститься. Угроздило же эту Панкратову рожать перед премьерой!

— Что хотят, то и делают! — согласился Рукавишников. — А кого-то другого из «старушек» не пробовали?

— Сыграет любая «старушка». Хоть Женька, хоть Наташка, да кто угодно! Все — таланты! Но, никто так не споет. А Поппинз у нас, только и делает, что поет.

— Ну, так сократите Алке текст! Пускай меньше болтает.

— Нет уж, пусть вживается. Премьеру перенесем... Тридцать три коровы, тридцать три коровы... — запел вдруг Варский женским голосом. Он был прекрасным имитатором!

— Эй, полегче! — зашептал Рукавишников. — Тебя дамы нашего отдела могут неправильно понять. Они же все озабочены излишним весом, даже те, которых соплей перешибешь! И вообще, эту песню в фильме мужик поет.

Володя тихонько засмеялся:

— У нас песен больше, чем в фильме, и все поет Алка.

Увлечение Варского самодеятельным театром было очень симпатично Рукавишникову. Алексей не раз приходил посмотреть, как готовится спектакль, и даже замещал «аглицкого посла» в Филатовской сказке «Про Федота-стрельца...» на одной из репетиций, когда «настоящий» посол заболел.

— Вызывает антирес
И такой ишо разрез
Как у вас там ходют бабы,
В панталонах, али без?
— Йес.

Вот это многократно повторяемое «йес» и было его текстом. Справился он блестяще. Ему предложили поступить в театр, но он, сердечно поблагодарив, отказался. Как раз тогда его дядя, Демид Рукавишников, занимающийся социологией и новорожденной российской рекламой, продвигающей импортный ширпотреб, а также — доморощенных политиков, продвинул и несколько «законченных вещей» племянника немецким партнерам. Через какое-то время пришел ответ, что «вещи» перевели, и ими заинтересовались.

Алексей даже в мыслях долго не называл ни одно из своих творений настоящим именем, а, как девушка-подросток про плотскую любовь, говорил про себя: «Это». Настолько он был суеверен в данном вопросе.

Еще ничего не случилось, подумаешь, заинтересовались? Но, он был взволнован настолько, что ни о какой игре в театре и речи быть не могло. Хотя, если честно, очень хотелось. Но, вдруг, он начнет радоваться и развлекаться, лицедействовать от души, а ему возьмут, да и объявят, что произошла ошибка? Работы его никуда не годятся? Он же тогда играть не сможет никак. Он на сцене хуже беременного клопа станет ползать. Да нет, он даже выползти на сцену не сумеет!

Атмосфера в театре у Варского завораживала, всегда приятно было там находиться. И, если бы перед Рукавишниковым встала проблема, чем заняться, он влился бы в труппу, не раздумывая. Но, такой проблемы у него не существовало...

— Надо было тебе тоже к нам в выходные приходить, — сказал Варский, и, возвращаясь в день сегодняшней, предложил. — Чаю попьем?

— Ага.

Володя удалился за чашкой, а Алексей вскипятил воду и приготовил заварку. На аромат, потянувшийся над столами, перед молодыми коллегами возникла голова Губарева из-за доски.

— Чаем пьешь — орлом летаешь! Водкой пьешь — свиньей лежишь! — изрекла голова, имитируя кавказский акцент.

Варский перевел взгляд своих огромных, по виду слегка безумных, глаз, с Губарева на Рукавишникова, будто спрашивая объяснения, что это было?

— Александр Львович — тамада с большим стажем, — сказал Рукавишников.

Голова исчезла, удовлетворенная признанием народа.

«Как бы в обед чего не вышло, — подумал Рукавишников. — Легко себя взвинтить».

— А мы в выходные пиво пили, сообщил Варский. — Так умаялись, что решили, пора расслабиться.

Из-за доски вновь появилась голова Губарева.

— Пиво без водки — деньги на ветер!

Варский еще раз продемонстрировал Алексею свой профиль, нос с горбинкой и длинные, как у девушки, ресницы, глядя на ведущего конструктора Александра Львовича Губарева, и перевел взгляд на Рукавишникова, мол, а как он это прокомментирует?

— Умную голову пивом не обманешь, — подыграл Рукавишников начальнику, притворяясь карьеристом.

— Я водку не люблю, — признался Варский. — Мне от нее сначала есть хочется, а потом — спать.

«Это нормально, — хотел сказать Рукавишников. — Главное, чтобы было с кем». Но, подумал, что эта шутка покажется Варскому слишком грубой. Конечно, Володя ему был куда более симпатичен, чем те жлобы, что хлещут водяру стаканами, а потом создают на улице угрозу общественному порядку. А все-таки он находил Варского слишком рафинированным интеллигентом, будто не от мира сего. Нет, Варский, конечно, умный, в КБ на хорошем счету, все знают о его увлечении театром...

Алексей тоже почти не пьет, не курит, занимается спортом, у него есть свое хобби, — если бы только Варский знал... Однако, Рукавишников просто прошел уже через все это. И водки выпьет стакан легко, если надо, и курить бросал сто раз, пока не понял, что курево вообще не для него, не стоит больше и начинать, даже после стакана водки, он уже не ребенок, чтобы курить и водку пить. В жизни насмотрелся всякого, хоть в той же армии... Варский не служил, поскольку в «политехе», в отличие от Водного института, имелась военная кафедра, и родители у юноши интеллигентнейшие наверняка, и в контору его пристроил, конечно, какой-нибудь родственник... Рукавишникову всякий раз хочется Варского опекать, оберегать от грубой улицы, когда они оказываются рядом, — скажем, после репетиции, в людном месте. Если Рукавишников слышит матерщину, ему делается больно за нежные уши, но не за свои, а — «артиста»...

Алексей и сам мог ругаться. Сложно сказать — как извозчик, или нет — в Нижнем Новгороде давно не встречались извозчики, но как грузчик — вне всякого сомнения. Потому что ему доводилось работать грузчиком, знает, какие слова на язык просятся, когда тебе на плечи ляжет пятидесятикилограммовый мешок...

Алексей мог быть разным. Варский мог быть только таким, каким он был — вот в чем между ними разница.

— Надоело мне там, в углу, сидеть, — признался Володя Алексею тихонечко. — Одни дамы вокруг со своими разговорами, — сказал он еще тише.

— Представляю, чего ты там наслушался, — посочувствовал Алексей.

— Хочу к тебе перебраться, Чугурнова попросить поменяться.

— Попробуй, — согласился Алексей. — Хотя, не знаю, как у тебя получится. «Отец русской вентиляции», наверное, прирос к своему месту.

Чугурнова в данный момент как раз не было на том месте, к которому он «прирос». «Отец» аккуратно выходил на перекуры. Правда, с кубинских сигар, которые он, вероятно, пользовал в юности, пришлось перейти на «Беломор», как успел заметить Алексей. Известно, что крепче.

— Чугурнов от Татаринцева хочет подальше перебраться, — сообщил Варский. — Они постоянно цапаются.

«А ты, паренек, не так прост, — подумал Алексей. — Все уловил, психолог».

В чем суть конфликта Чугурнова с Татаринцевым, Алексей не понимал — не владел информацией. По ощущению, «старика» перестали сходиться характерами. Один слишком раскомандовался в последнее время, другой считает, что сам с усам, не терпит замечаний. Дескать, не хуже Татаринцева соображает в проектировании — одного года призыва!

Алексей мысленно был на стороне Татаринцева. Все же, тот начальник сектора и за выпускаемые чертежи, в конечном счете, перед начальником отдела Добродеевым отвечает он, поэтому имеет право вмешиваться в процесс.

— Ну ладно, пойду дальше корпеть, — вздохнул Володя, забирая свою чашку. — На следующее чаепитие приходи ты ко мне.

— Чай, приду, — пообещал Рукавишников.

Варский ушел, а он выложил Светочкины бланки и, уже в который раз, за это утро, тяжело вздохнув, принялся соображать, что тут к чему.

Однако Алексей быстро разобрался в проблеме и принялся бойко строчить в формулярах. Главное, что он уяснил: если в учебе всегда было важно обойтись без пробелов, то при заполнении бланков — все наоборот.

Учитывая, что все расчеты за него сделает машина, к вечеру свою задачу он выполнил, показал Татаринцеву заполненные бланки, и отнес их на ЭВМ, готовясь как минимум два дня курить бамбук. Главное, за это время напрочь не забыть, что он там навводил.

Однако ждать пришлось не так долго. Оказывается, Татаринцев позвонил электронщикам, объяснил, что сотруднику нужно отправляться в командировку, и те отнеслись с пониманием.

После обеда следующего дня в сектор по внутреннему телефону позвонили.

— Большое спасибо! — услышал Рукавишников, как Татаринцев кого-то благодарит. После этого он обратился к нему:

— Алексей Александрович! Сигнальный экземпляр вашей записки по проекту десять пятьсот пятьдесят пять готов. Сходите за ним, пожалуйста.

— Хорошо, — откликнулся Рукавишников.

— Чудо! — сказал он Губареву. — Даже кошки размножаются медленнее.

Губарев смотрел на него черными глазами, горящими, как угли.

«В обед удержался, а вечером точно пойдет в бар, — оценил Рукавишников настроение шефа. — И Клязьмина с Куржумовым совратит. Да их и совращать не надо!»

ЭВМ занимала в здании все подвальное помещение. Алексею выдали стопку набитых перфокарт и распечатку его пояснительной записки. Требовалось все просмотреть, найти ошибки и вернуть забракованные перфокарты на перебивку.

Для просмотра следовало пройти в специальную комнату. Носиться с картами по всему КБ почему-то не позволялось. Вероятно, считалось, что это только конструктор может захрапеть за своим столом, а враг не дремлет...

В особой комнате, которая напоминала классное помещение, только без доски, был аншлаг. Лишь за одним столом, где спиной к нему сидела блондинка, уткнувшись носом в свою распечатку, место было не занято.

— Извините, здесь свободно? Спросил на всякий случай Алексей у дамы. Вдруг ее сосед вышел покурить? В Советском Союзе, откуда они родом, все умели не только занимать, но и хранить очередь — даже в свое отсутствие.

— Да, пожалуйста, — пропела девушка, едва взглянув, даже не на него — в его сторону. Очевидно, она беспокоилась за свои пятки» и изо всех сил старалась «идти в ногу».

«Пятки у нее наверняка светлые, — подумал Рукавишников. — Тут сомневаться не приходится, как в случае с кубинками». Девушка являла собой образчик натуральной блондинки, насколько успел заметить Алексей, глядя на ее волосы, зачесанные назад, открывая высокий лоб. Он увидел еще маленькое ушко, сережку с камушком и... все. Свою щечку блондинка подпирала кулачком, устремив взгляд в белый лист с ровными линиями пробитых отверстий по краям, испещренный буквами и цифрами — творение ЭВМ. Рукавишников почувствовал смутную тревогу рядом с дамой, которую пока не смог себе объяснить.

В тот момент, когда Алексей опустил на стул, выкладывая на стол свой «талмуд», блондинка чуть отодвинулась в сторону и поднесла к губам карандаш, намереваясь грызть его, очевидно. Нормальное занятие, в котором любой конструктор поднаторел не хуже бобра. Рукавишников и сам так делал, когда приходилось шевелить мозгами. К счастью, такая необ-

ходимость возникала не так часто, иначе завхоз просто не напасся бы карандашей на всех тугодумов.

— Извините, вы из какого отдела? — неожиданно спросила его девушка тихо. Она повернулась к нему, продолжая опираться на кулачок. Алексей увидел темные, в сравнении с цветом волос, брови, и голубые глаза, потрясающие!

— Не из первого, — на всякий случай успокоил ее Рукавишников, тоже почти шепотом.

При этих словах девушка убрала кулачок от щеки, слегка отстранилась от него и улыбнулась его шутке. Рукавишников обалдел! Только тут он понял, кто перед ним!

Как ее имя, Алексей не знал. Но, личность рядом с ним находилась одиозная. Корифеи на пьянке у Губарева полвечера только про нее и говорили.

Она потрясла их в первый же день своего появления в конторе. Случилось так, что Клязьмин и Куржумов собрались на рабочем месте Губарева, обсудить предстоящую совместную командировку, когда руководитель электротехнического отдела подвел, в соответствии с заведенной традицией, свою новую сотрудницу к начальнику сектора Татаринцеву для представления.

Надо признать, представление удалось.

— Мамочка! — воскликнул холостяк-Куржумов при виде высокой, светловолосой, ослепительной красавицы, которой ростом он, маломерка, едва доходил до плеча.

— Это Любовь Орлова, или Шерон Стоун? — близоруко прищурился Клязьмин, ломая комедию.

— Это провокация! — определил Губарев, женатик со стажем, отец двенадцатилетней дочери.

Таким образом, новобранка обзавелась сразу несколькими прозвищами, из которых наиболее прижилось «Провокация».

Прошло совсем немного времени, и про ее любовные похождения стало шушукаться все КБ. Причем, поклонниками назывались не рядовые конструкторы — рабочие лошадки, а исключительно личности незаурядные. То, начальник механиков Борисоглебский, то главный системщик — Добродеев. При этом, она каким-то образом оставалась «штатной любовницей» своего протезе — начальника электротехнического отдела — в этом никто не сомневался. Как он только терпел ветреность своей подопечной?..

К моменту появления в КБ «Флагман» Рукавишникова Провокация проработала в конторе три с половиной года и уже имела первую категорию! Все без исключения дамы, конечно, знали точно, каким местом она эту категорию заработала, и люто ее ненавидели. С ней никто не общался, за исключением двух девушек, которые просто вынуждены были, поскольку находились в подчинении у Мамочки, как сам Рукавишников — у «папочки» Губарева, по возрасту годившегося ему, разве что, в старшие братья. «Шерон Стоун» будто не замечала льда флагмановских дам, и носила на своем лице, как ни в чем не бывало, загадочную улыбку.

Зато мужики все замолкали, едва Провокация появлялась в отделе со своими чертежами для согласования. Начальник сектора Татаринцев немедленно поднимался с места, чтобы подвинуть ей стул и усадить рядом. И тут же, вероятно, жалел об этом, не зная, куда отвести взгляд от ее коленей! Разговаривая с ней, Дмитрий Альбертович, едва сдерживал улыбку. В этот момент он явно ощущал себя больше мужчиной, нежели главным специалистом по системам кондиционирования. Что он там ухитрялся понимать в ее схемах, Рукавишников не представлял себе.

Самого Алексея, будто током дергало, когда он встречал Провокацию в коридорах, или, принося свое творение на подпись электрикам, видел ее за первым столом. Она поднимала глаза, а он поскорее отворачивался. Надо же гордость иметь! Ну, сидит, ну, красавица, ну и что? Он — тоже парень молодец, со спины похож на Алена Делона, ему все говорят...

И вот теперь Алексей видел впервые так близко перед собой прославленную искусительницу и удивлялся: она выглядела гораздо моложе, чем казалась издали, да он и не смел разглядывать ее никогда специально, хотя очень хотелось. Рукавишникову невольно подумалось: «Так ли страшен черт, как его малюют?» Ему стало смешно.

— Я в отделе систем работаю, в секторе Татаринцева, — объяснил он. — Рукавишников Алексей, честь имею!

— Очень приятно. Ольга Остроумова. Я — в отделе электриков.

«Кто же этого не знает?» — хотел воскликнуть Алексей, но не стал. Хоть по образованию он был инженер-механик, а не химик, но фильтровать, все же, умел. И не только растворы — базар тоже. В их время, кстати, все больше людей выучивались это делать. Такое время...

— Вас, значит, тоже заставляют идти в ногу со временем? — Алексей кивнул на ее распечатку.

— Угу, — подтвердила она. — Третий раз проверяю, все подчистила, а в одном месте расчет глупость какую-то выдает, и все. Никак не найду, где данные неверно ввела. Уже глаз не замечает, где ошибка! — Она подняла брови и покачала головой.

«И есть же на свете такой мужик, который может ее чмокнуть! — подумал Рукавишников. — Убил бы гада!»

— Отнесите «талмуд» начальнику, — посоветовал Алексей своей соседке. — Пусть он найдет ошибку.

— Не-ет. — Она прикрыла свои прекрасные глаза длинными ресницами и покачала головой. — Нельзя.

— Почему? Другие так и делают!

— Другим можно, — усмехнулась она. — А мне — нет. Ноблес облич!

— Положение обязывает, — понимающе кивнул Алексей. Девушка лукаво стрельнула глазами в него. Кажется, он только что прошел тест.

— Нет, нас в институте этому тоже не учили... — сказал он. — Однако начальнику иногда надо давать возможность тряхнуть стариной.

— Про меня и так все думают, что я... даю ему возможность тряхнуть стариной, — неожиданно выдала Ольга Остроумова то, что Алексей сам думал минуту назад. — А я, между прочим, институт с красным дипломом окончила, и во всем стараюсь разбираться сама. У нас стул, который стоит возле стола начальника сектора, недавно завхоз забирал, чтобы обивку поменять — протерлась. Так вот, это не я ее протерла!

— Хм! — усмехнулся Рукавишников. — Понимаю. Если честно, я тоже, хоть и Алеша, но не почемучка. Это мог бы подтвердить Татаринцев, я у него еще диплом писал, за что, собственно, и в КБ взяли... А вы как сюда попали? — забросил он, в свою очередь, пробный шар с самым невинным видом.

— По благу, — честно призналась она. — Начальник нашего отдела Шахрутдинов — хороший знакомый моего бывшего мужа.

Больше всего в этом откровении Алексею понравилось слово «бывший», сказанное ею в отношении своего мужа. Кольца на руке у нее точно, не было. В смысле — обручального. Пару простых колечек — да, имелось. Правда, «простых» только в этом смысле. А так, ничего себе колечки, с камешками. Стоят, наверное, недешево. Алексей не слышал, чтобы такие вместе с красным дипломом давали. Вместе с присвоением очередной категории такими тоже не награждают. Конечно, подарки... Интересно, кто у нас муж? И почему он стал бывшим?..

— Не разочаровались в работе?

— Нет, — призналась она. — Я люблю думать.

— Такое нечасто услышишь из уст женщины, — искренне удивился Алексей.

— Нет, правда, — рассмеялась она. — Я и в шахматы люблю играть.

— Здорово! — оценил Рукавишников. — Я тоже. Вы хорошо играете? О себе не сказал бы, что очень.

— Я тоже — так себе. Нет, детский мат мне, конечно, не поставишь, но есть люди, у которых мне не выиграть.

— Анатолий Карпов, например?

— Да! — Она засмеялась, потом спросила в свою очередь: — А вы разочаровались?

Рукавишников пожал плечами:

— Я и не был очарован. К своей работе отношусь спокойно, как к необходимости. Бесполезно думать, нравится ли она, нет ли, если ее все равно надо выполнять. Вот коллектив мне нравится.

— Да, я понимаю. — Она опустила глаза.

— Вам, вероятно, нравится только одна половина коллектива? — предположил Алексей и понял, что ляпнул нечто двусмысленное. Она удивленно посмотрела на него, он поспешил объясниться:

— Я имел ввиду — та, что относится к вам хорошо. Кто не озабочен секретом вашего успеха!

— Ну, в общем, да. — Она решила все же принять его слова без обиды. — Да нет, я ко всем нормально отношусь, просто у некоторых коллег насчет меня сложилось превратное мнение.

— Причина понятна, — успокоил свою собеседницу Рукавишников. — Вам, наверняка, — тоже. Банальная зависть. Когда я сказал, что мне нравится коллектив, то имел ввиду, что это приятно, когда никто не матерится, не тушит об стол бычки, не сплевывает шелуху от семечек себе под ноги... Я не так давно из армии вернулся, — пояснил он.

— Мы, вероятно, в одно время заканчивали ВУЗ? — предположила Ольга, — Я — в восемьдесят пятом, а вы?

— Я тоже окончил бы в восемьдесят пятом, если бы не брал академический отпуск на третьем курсе...

Вдруг прозвенел звонок — как гром грянул!

— Ой! — воскликнула Ольга. — Ну вот, опять не успела!

— Ничего, — попытался утешить ее Рукавишников. — Неделя только началась, еще успеете.

— Надеюсь, — согласилась она, и, посмотрев на него, сказала:

— Предлагаю перейти на «ты».

— С удовольствием, — согласился Алексей. — А то на «вы» меня, в основном, начальство называет, а его итак достаточно: начальник сектора, начальник отдела, главный инженер...

Она улыбнулась и хотела собирать свои бумаги.

— Предлагаю отметить знакомство... в кафе. — Неизвестно, кого Алексей больше удивил своим приглашением, ее, или себя.

Он, конечно, помнил сказку про царевну в башне и придурков-женихов, пытавшихся до нее допрыгнуть, — батюшка царь назначил им такое испытание. Что случилось с ними дальше, все знают. Голову иметь на плечах не всем дано. Порой — в прямом смысле... Но, Иван-то дурак смог! Или, кто там был? Королевич Елисей?.. Алешу Рукавишников только одного помнил — Поповича. Но, и тот был богатырь, как ни крути...

У его «царевны» в «батюшки», в смысле — в «папики», аж трех начальников отделов записали, по слухам. Он-то куда лезет?

Но, «Остапа» уже несло:

— Кофе с коньяком, мороженое с шампанским, — соблазнял он.

— Ну, хорошо, — рассмеялась Ольга. — Только не в «Слоне», ладно?

— Конечно. Там мы себя будем чувствовать все еще на работе из-за завсегдатаев.

— Точно... Встретимся возле памятника Горькому, хорошо?

— Договорились.

«Не будем псевдоним писателя считать для себя чем-то символичным, — подумал Алексей, взлетая на невидимых крыльях на свой, третий, этаж но, в то же время, стараясь себя охладить. «Подумаешь, согласилась в кафе сходить? Посмотрит, попробует на вкус, прожует, и выплюнет. Не в смысле клубничку в мороженом, в смысле — меня»...

В изящном светлом плаще, с воздушной косынкой на шее, с сумочкой на тонком ремешке через плечо, на высоких каблуках, она показалась ему такой красивой, ну просто — нереально, захотелось зажмуриться.

— Куда пойдём? — спросила она.

— Ты не мечтала быть в детстве космонавтом?

— Нет.

— Я тоже. Тем не менее, может, в «Космос»?

— Хорошо.

Кафе располагалось на полпути между площадью Горького и площадью Минина.

От алкоголя Ольга отказалась, предложив ограничиться мороженым и кофе. Алексей, разумеется, настаивать не стал. Как он мог вообще на чем-либо настаивать при ней? Разве что на том, что сегодня такое-то число такого-то месяца и года, он запомнит его навсегда и сделает личным праздником, да еще на том, что его зовут Алексей Рукавишников, хотя и не верилось, что это действительно он поддался Провокации... В смысле — ее чарам, без единого выстрела.

— Ты школу окончила с золотой медалью? — спросил он Ольгу.

— Ты так решил после того, как я не стала пить шампанское? — ответила она вопросом на вопрос.

— И коньяк тоже. Плюс красный диплом...

— Ах, ну да... Нет, в школе у меня все-таки было несколько четверок. Блажен, кто смолodu был молод.

— При этом соблюдал меру и не сделался блаженным, — продолжил Алексей за нее. — Не стал орать благим матом. В крайнем случае — обычным.

— Вот тут ты прав, — неожиданно согласилась она, рассмеявшись. — Блажь мне в голову пришла еще та в восьмом классе!

— Расскажешь?

— Представляешь, я чуть не вышла замуж за шофера грузовика.

— Не вижу в этом ничего плохого, если ты делаешь упор на профессии, — пожал плечами Алексей. — Вероятно, это был редкой души человек?

— Пижон, в валенках и телогрейке!

Алексей закатил глаза к потолку:

— Постараюсь себе представить...

— Даже не пробуй, все равно не поймешь. Для этого надо было жить в нашем дворе. Из моей комнаты, с высоты пятого этажа, двор был виден, как на ладони. В нем гуляла наша дворовая «банда» — мальчишки и девчонки, но мои мама с папой меня к ним не очень-то отпускали. Говорили, что их родители — люди не нашего круга.

— Ого! — удивился Алексей. — Мне, право, становится неловко... Хорошо хоть я сегодня не в лаптях пришел! Как утром щей похлебал, так и повесил на гвоздик.

— Ты смеешься, а я довольно долго отвоевывала свою свободу. Мама у меня преподает в университете французский язык, папа — ведущий конструктор в «КБ Машиностроения». Они боялись, что я нахватаясь дурных привычек. Я же глядела в окно и завидовала, как мои ровесники стоят на ушах и колбасятся, особенно — зимой: строят крепость, бросаются снежками, бесятся на горке, громко крича и смеясь!.. Летом мы, в основном, жили на даче.

Потихоньку я все же стала отвоевывать свои права, да вот беда — во дворе меня считали «не своего круга» почище, чем мои родители — их пап и мам (но, больше мам, поскольку папы имелись далеко не у всех).

Конечно, и я всех во дворе, и меня все давно знали, но, как принять в «свои» девчонку, которая так хорошо, в сравнении с ними, одета? Она так старательно отряхивает свое нарядное пальто от снега, выбравшись из сугроба, куда ее толкнули — до последней снежинки. У паренька, который уронил ее в снег, возникает чувство, будто он совершил какую-то бестактность, даже если при этом он слова такого не знает.

А в фирменных джинсах, о каких другие члены «банды» и мечтать не могли, разве станешь кататься с деревянной горки? И вот, я заявила своей матери, что хочу быть как все, поэтому прошу купить мне... телогрейку, они были в моде тогда. Мама чуть со стула не упала, а папа прочитал лекцию про ГУЛАГ. Однако, я была чертовски упряма, и телогрейку мне все-таки купили. Настоящую, черную! Правда, мама ее мне приталила по фигуре и пришила красивые цветные пуговицы вместо родных. Счастливая, я помчалась во двор, насыпав полный карман каленых семечек. Вместо джинсов на мне были теперь простенькие техасы.

Но, все оказалось напрасно. Я не умела это носить, все равно берегла, как привыкла. Если замечала на своей телогрейке волос, то снимала его двумя пальчиками, вот так, — Ольга показала, как она это делала. — Меня потом весь двор пародировал!

Алексей оценил ее самоиронию.

— Меня дразнили Француженкой, из-за мамы, еще называли Штучкой. Однажды, совсем разобидевшись, я забросила в дальний угол телогрейку, оделась так, как привыкла, решив никогда больше не под кого не подстраиваться!

Потом пришло время школьных и дворовых романов. В нашем дворе блистал мускулистый блондин — мы с ним были одной масти, — усмехнулась она. — Сережка Опарин. Как он был хорош в движении! В него были влюблены все дворовые простушки. Хуже, что и я — тоже.

Однажды я забежала вместе с ним в подъезд, когда играли в прятки, он меня схватил своими сильными руками, прижал к стене, и поцеловал по-взрослому в губы. От непривычного запаха табака (у нас в семье никто не курил) я совсем потеряла голову, дурочка!

С мамой случилась истерика, когда она узнала, с кем я встречаюсь! А отец провел с Опариным мужской разговор, и пообещал отправить его туда, где все в таких телогрейках ходят, если он хоть пальцем до меня дотронется! Так наш роман в глазах «банды» из веселого стал серьезным, запретным, страшным, и от того — еще более волнующим.

Тут очень кстати вернулся из плавания мой старший брат. Его тоже пытались натравить на меня, но Андрей неожиданно взял мою сторону.

— Да престаньте вы паниковать, — сказал он родителям. — Дайте девчонке самой разобраться. Он же «здравствуй, дерево!» — Андрей постучал костяшкой согнутого пальца по подоконнику, — ее жених! А, Олька у нас умная, она сама его бросит очень скоро.

Поначалу я возмутилась его словам, но, брат оказался прав. Стоило мне несколько раз побывать в гостях у «жениха», как я пришла в уныние. Представь: пустая двухкомнатная квартира. В комнате матери из мебели — диван и телевизор, в комнате Сережки — кровать и... аквариум. Из-за аквариума мы в первый раз поссорились. — Она вдруг спохватилась: — Но, может быть, тебе это все неинтересно? Что это я про детство стала вспоминать?

— Очень интересно! — заверил ее Алексей. Еще бы!

— Разведение рыбок стало у «банды» очередным увлечением после выращивания кактусов. У меня же отец всю жизнь держал рыбок, а мама ухаживала за цветами. Наш «декабрист» разросся в пол-окна, мама всем желающим отростки раздавала... В аквариуме у Опарина плавали малюсенькие макроподы. — Ольга посмотрела на Алексея.

— Я в курсе, — заверил он ее. — Они из лабиринтовых.

Она кивнула.

— Взрослые рыбины плавали рядом в трехлитровой банке, их отсадили от потомства. Сережка ужасно гордился, что ему удалось развести макроподов. У приятелей дальше строительства гнезда из воздушных пузырьков дело не шло, а у него — пожалуйста! Я возьми, да и ляпни сдуру, что у нас макроподы не раз размножились. Все дело в температуре воды. У Сережки лампа над аквариумом горела круглые сутки, нагревая воду, а другие, вероятно, включали ее только когда хотели посмотреть на рыбок.

Опарин так обиделся, будто я отняла у него заслуженную награду. Книжек по аквариуму он не читал, как, впрочем, и других тоже.

— Сережка был хорош в своей среде во дворе перед «бандой», затем — в своем ПТУ, за рулем грузовика. Веселый, ловкий, ладный, ух! — Она сжала кулачки, Алексей стиснул челюсти... от ревности! «Новое дело, — отметил свое чувство Рукавишников. — Не рехнулся ли я?»

— Но, — продолжала Ольга рассказывать про свой первый роман, — шаг вправо, шаг влево в сторону от своего мира, и он превращался в Маугли, которого вывели в город. С ним не о чем было разговаривать. От его «самобытных» суждений уши вяли.

Окончательно расставил все по своим местам один пустяковый случай. У нас во дворе часто появлялась забавная парочка — Миша и Саша. Старше нас года на три-четыре. Их называли «Подружки». Нет, с ориентацией у них все было нормально, их и с девушками в обнимку видели, просто это такие клоуны были! На язык им лучше не попадаться.

В тот раз мы пошли с Сережкой в кино и, на беду, столкнулись с Подружками нос к носу.

— Гляди, гляди, — сказал Миша Саше. — Опарыш закадрил Французенку!

Эта единственная фраза вдруг расставила все по своим местам. Я будто со стороны посмотрела на себя и на Опарина. Вспомнила его пустую квартиру, пыль, грязь, его мать, часто приходившую подшофе с работы — она стояла за прилавком в гастрономе.

Так и закончилась эта история, больше я с ним, как со своим парнем, не встречалась. Вот. — Она рассмеялась. — Что скажешь?

— Так, уже сказано, — развел руками Алексей. — В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань!

Ольга вздохнула, помолчала и спросила:

— А у тебя были забавные истории?

Алексей на секунду задумался, чем он, в качестве ответной любезности, может отплатить за ее рассказ о себе.

— К сожалению, из всей моей биографии не выжмешь материала не то, что на роман, — хотя бы на рассказ приличный. Она такая правильная, аж самому противно! Детский сад, школа, институт, армия, КБ «Флагман»: «Здравствуйте, вот и я!» Разве что, институт я чуть не оставил, я уже упоминал. Пришлось взять академический отпуск.

— По состоянию здоровья? — участливо спросила Ольга?

— По состоянию души, — возразил Алексей. — Здоровье, к сожалению, не позволяло мне откосить от армии. К счастью, и там его удалось сохранить. Но, ты слышала? — Он с опаской оглянулся по сторонам. — При нашей тихой умственной работе тоже следует беречь себя! Да, да, — он еще понизил голос. — Сохранить рассудок удастся не всем, были случаи... — Алексей вспомнил рассказы Губарева на той пирушке о том, кто, когда и при каких обстоятельствах спятил в их конторе.

— Да, я слышала... А почему, все-таки, ты взял академ?

— Пожалуй, тоже из-за амурной истории. Она меня выбила из колеи... На третьем курсе случился мой первый роман.

— Ого! Ты долго держался.

— Раньше тоже были какие-то истории, но — так, пустяки, а тут... В общем, девушка ждала от меня предложения, я же, из-за творческого кризиса, не знал, что с самим собой-то

делать, не то, что с нами обоими... Когда кризис миновал, выяснилось, что мое место уже занято другим. Не ожидал, что меня так это потрясет!

— Ты не пытался вернуть ее?

— Нет. — Он покачал головой.

— Почему?

— Ну, я же был студентом водного института, поэтому помнил про реку. В нее нельзя войти дважды.

— А что за творческий кризис ты перенес?

— Ну, это совсем уже не интересно, уверяю тебя! У всех у нас были свои какие-то искания, кем-то мы все мечтали стать...

— А кем ты мечтал стать? — Не отставала Ольга.

— Фу-у-у, — надул щеки и выдохнул Алексей, не зная, как ему быть с таким натиском. Интерес самой одиозной личности КБ «Флагман» к его скромной персоне так льстил...

— Рок-звездой! — выдал он.

— Правда?

— Если когда-нибудь мы вместе окажемся в помещении, где найдется гитара, я докажу, — пообещал он.

— Заметано! — ввернула Ольга словечко, которое, вероятно, выучила в то время, когда рассекала в телогрейке.

— Еще кофе? — спросил Рукавишников.

— Нет, спасибо. Мне, наверное, уже пора. — Она посмотрела на часы, но не сделала попытки подняться из-за стола. Вместо этого внимательно посмотрела Алексею в лицо и призналась:

— Ты напоминаешь мне одного человека.

— Да, я не гений, — вздохнув, смиренно признал Рукавишников.

— Почем? — удивилась Ольга

— Почему не гений? — уточнил он.

— Почему ты так говоришь? При чем тут, гений — не гений?

— Есть, кажется, у Бальзака, такое определение гения: он похож на всех, а на него — никто. Ну а я напоминаю тебе только одного человека...

— А-а! В этом смысле... Я удивилась потому, что тот человек, на которого ты похож, как раз считал себя гением.

— Это бывает, — признал Алексей. — Профессор Дорланд таких, наверное, много знает...

Профессор Дорланд был известным в Нижнем Новгороде психиатром. В последнее время его часто показывали по телевизору, он занялся политикой. Глядя на некоторых депутатов, Рукавишников предполагал, что врача толкнул в парламент не столько политический, сколько профессиональный интерес...

— Этот юноша действительно был талантлив, он работал у моего мужа, — сообщила Ольга.

— В министерстве иностранных дел? — спросил Алексей. Он ничего не знал про ее мужа, и в то же время знал самое главное — что он стал бывшим. Знать больше Рукавишников, по правде сказать, не очень-то и хотел, несмотря на свой интерес к людям вообще.

— Почему в министерстве? В вашем, Водном, институте. У мужа там кафедра. Этот молодой человек был аспирантом и работал под началом моего супруга... Но, юноши больше нет в живых, он погиб, покончил с собой.

Сказав это, Ольга отвернулась к барной стойке, словно заинтересовалась красочными этикетками на бутылках. Когда она обернулась к своему собеседнику, то поразились тому, как он поблел.

— Что случилось? — спросила она.

— Фамилия мужа «Потоцкий»?

— Как ты?..

— Артем Скрябин был моим двоюродным братом.

Ольга некоторое время смотрела на Алексея, не мигая. Ему показалось, что он видит перед собой не живую девушку, а искусно выполненную восковую фигуру со стеклянными глазами. Даже жутко стало. Но вот «фигура» ожила и произнесла:

— Да, ты похож на своего брата.

— Это он на меня похож, — уточнил Алексей. — Я на полгода старше... Был похож.

— Значит, ты и есть тот самый «братец Леха», — грустно улыбнулась Ольга. — Мне и в голову прийти не могло...

— Тот самый был Мюнхгаузен, а я — просто Алексей Рукавишников, к вашим услугам.

Алексей Рукавишников посмотрел в сторону и увидел возле входа мужика, смотрящего на них, которого прежде встречал в КБ.

— Нас только что спалили, — сообщил он Ольге.

— А? Кто? — Она посмотрела туда, куда смотрел он, но человек уже вышел.

— Кто там был? — забеспокоилась она.

— Коллега, кажется, из вашего отдела. Чернявый такой крепыш, на лице веснушки. Необычное сочетание, если только он не крашенный.

— Господи! Это Васька Чугурнов! Принесло же его... Лучший друг моего бывшего благовверного. Он в конторе за мной присматривает.

— Зачем?

— Как зачем? Чтобы мужу докладывать. — Она нервно рассмеялась.

— Вы же в разводе?

— Да. Но он все равно за мной следит.

— С какой целью?

Она усмехнулась:

— Это ты мужчина, вот и объясни мне, для чего надо следить за своей бывшей женой?

— Чтобы ответить на твой вопрос, мне надо сначала жениться, а потом — развестись, тогда я смогу судить на основе личного опыта, а не книжного. Книжки ты и без меня, вероятно, читала.

— Да... Артем был прав, с тобой интересно разговаривать. Он много о тебе рассказывал.

— Вам что, поговорить больше не о ком было? Что он мог обо мне рассказывать?

— Много всего. — Ольга опустила голову, чтобы спрятать улыбку.

— Скажи, а этому вашему Чугурнову наш Отец русской вентиляции кем-то приходится? — спросил он Ольгу.

— Как же! Это и его отец тоже.

— Совсем не похож... Впрочем, если вашего побрить налысо и очки на нос надеть...

Ольга прыснула.

— ...Нет, все равно не похож. У отца веснушек нет.

— Возможно, у матери есть? — предположила Ольга.

— Все может быть, — согласился Алексей. — Мать русской вентиляции я не видел.

Ольга посмотрела на часы:

— Пожалуй, мне все-таки пора. — Она взяла в руки сумочку.

— Я провожу? — Алексей поднялся.

— Прогуляемся до площади Минина? — предложила Ольга. — Там я сяду на маршрутку. Я на Есенина живу, — объяснила она. — Это на Мещере.

— Угу, — кивнул Алексей. Что он мог? Только соглашаться. У него появились вопросы к Ольге Остроумовой, но это не повод, чтобы навязываться в провожатые до самого дома. Мало

ли кто ее там встречает? То, что она была с ним в кафе — уже потрясающее событие. Скажи ему кто-то утром, что так закончится сегодняшний вечер, ни за что не поверил бы!

Они молча прошли до исторического здания центрального банка, когда он решился нарушить молчание:

— Скажи, а вы с мужем разошлись из-за Артема?

— Тебе, наверное, хотелось бы, чтобы это было так? Но, нет.

— Тогда это не мое дело, — урезонил Рукавишников сам себя. — Извини.

— Ничего, я скажу. Я развелась с мужем потому, что он изменил мне.

— Он что, ненормальный, твой муж?! — вырвалось у Алексея невольно. Он понял, что только что отвесил своей новой знакомой шикарный комплимент.

— Да нет, напротив, Эдуард очень умный. Он изменил мне ради карьеры. И случилось это еще до... моего близкого знакомства с Артемом. Хотя, с мужем я развелась все-таки позже.

— Тогда я вновь считаю себя вправе спросить, ты сошлась с Темой в отместку мужу?

Она задумалась:

— Н-нет. Возможно, если бы муж не изменял мне, я не дала бы волю чувствам, а так... Решила, почему ему можно, а мне — нет? Измена Эдуарда сняла барьеры.

Алексей замолчал, глядя себе под ноги, медленно шагая рядом с Ольгой.

— Я тоже хочу спросить, — сказала она. — Этот вопрос не дает мне покоя. Как ты думаешь, из-за чего Артем покончил с собой?

Алексей посмотрел на нее с удивлением:

— Я хотел тебя спросить о том же!

— Да-да, — с готовностью согласилась Ольга из спрашивающей превратиться в отвечающую. — Конечно, все думают, будто это из-за меня. Но я, честно, не давала повода! Мы даже не ссорились, да и... — Она разволновалась. — Ну, ты же лучше знаешь... знал своего брата. Он вовсе не был увлечен только мной. Может быть, я ему и нравилась, но он не отдавался своим чувствам целиком. У него все время были какие-то задумки, планы... Понимаешь?

— Конечно.

— Он вовсе не... растворялся во мне! — вот что я хочу сказать. Он был не таким.

— Я понимаю, — согласился Алексей. — Тема больше всего любил... себя.

— Как ты о нем холодно сейчас сказал! — удивилась Ольга. — Я думала, у вас были хорошие отношения.

— Так и есть. Хотя, в последнее время Артему, вероятно, хотелось, чтобы я больше уделял ему внимания, но... мне он стал не интересен, — совершенно спокойно признался Алексей. И так же спокойно добавил. — Хотя сейчас я, понятно, сожалею об этом.

— Почему он стал тебе неинтересен?

— Потому что он не менялся. Каким родился талантливый, таким и был всю жизнь... одинаковым. Я слишком хорошо знал его, точно представлял все мотивы его поступков и... смеялся. Он, впрочем, отвечал мне тем же, только ему почему-то было важно получить мое одобрение своим действиям, а мне его одобрения не требовалось.

— Ты не любил своего брата?

— Ну, что ты! Любил, конечно. Мы же с ним росли вместе. В детстве — так вообще, боготворил. Он был такой шалопай и выдумщик! Чем увлечется, тем любого может заразить... Но, с тех пор я вырос и стал немного разбираться в людях. Не то, чтобы я переменялся в отношении Артема, просто снял розовые очки. Не только в отношении его. Людей — вообще.

— Печально, — сказала Ольга.

— Печально, — согласился Алексей. — И печально то, что ты не давала повода для душевных переживаний Темы. Честно говоря, я так и думал, но все же мне хотелось отыскать тебя, чтобы выяснить это. Только все как-то не решался, что-то мешало. Не знал, что мы с

тобой ходим по одним коридорам каждый день. Теперь рухнула моя последняя надежда, хоть и маленькая.

— Какая надежда?

— Что это было самоубийство.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что уже сказал.

— Что его убили?

— Да.

— Кто мог его убить? За что?

— Кто, не знаю. Твой муж, например.

— Как... мой муж? Из-за чего?!

— Из-за кого, — уточнил Рукавишников. — Из-за тебя. Видишь, он до сих пор за тобой следит.

— Нелепое предположение. Потоцкий даже не спрашивал у меня никогда про Артема в этом смысле.

— А если бы спросил?

— Если бы спросил, я объяснила бы ему, что для него же стараюсь.

— Как это? — не понял Рукавишников.

— Сказала бы, что сошлась с Артемом, чтобы держать его в узде. Он ведь нужен моему мужу, он талантлив, и он работает на него. Муж должен был принять такое объяснение, он ведь, делая карьеру столь своеобразным способом, тоже, по его словам, для нас старался!..

Алексей был ошеломлен. Ему показалось, что она говорит правду — так и было на самом деле, они с мужем просто распределили роли.

Ольга беззвучно засмеялась:

— Что, змею увидел, да? Признаюсь, это была моя заготовка на тот случай, если Эдуард застукнет меня с твоим братом. Она не пригодилась... Ты можешь оценить мою издевку над мужем, заключенную здесь, лишь отчасти. Для этого надо знать, какую комбинацию затеял мой муж.

— Какую же?

— Я тебе сказала, он изменил мне, но с кем?

— С кем?

— С женой Калентьева.

— Того самого?!

— Да. Самого скандально-известного Нижегородского предпринимателя. Через Юлию Калентьеву Потоцкий приобрел много влиятельных знакомых... Если бы он не поверил, что я стараюсь ради нашего общего благополучия, то, во всяком случае, возразить ему было бы нечего. Артем действительно являлся для него курицей, несущей золотые яйца. Рядом своих проектов Потоцкий был обязан именно ему. Так что, твое предположение, будто мой муж мог избавиться от Артема, несправедливо. Потоцкий наоборот должен был беречь Скрыбина. Он очень расстроился, потеряв его... Я уж не говорю о том, что, когда это случилось, мы с мужем были на дне рождения у его матери, там была еще куча гостей...

Алексее показалось, что последние ее слова были тоже заготовкой.

— Тебе сейчас показалось, что я говорю про алиби? — прочитала Ольга его мысли.

Он посмотрел на нее.

— Просто, и мужа, и меня не раз допрашивала милиция по поводу Артема. Поэтому те резюме, которые следователь делал нашим объяснениям, записывая в протокол, в итоге сделались нашими собственными фразами.

Они дошли до остановки маршрутки.

— Вон, моя разворачивается на кольце, — заметила Ольга. — Ну, спасибо за кофе, мороженое и за интересный разговор. Удивительно мы все-таки встретились, правда? Артем все хотел меня познакомить с тобой, но не получалось.

— Просто боялся, что отобью, — объяснил Алексей. Она хмыкнула. — Шучу, конечно. «Да уж, — грустно подумал он. — Какое теперь «отобью» — мы почти родственники». Маршрутное такси подъехало к остановке, открылась дверь.

— Пока, — сказала Ольга, поднимаясь на ступеньку.

— Пока. — Он поднял руку в ответ.

Эдуард Витальевич Потоцкий сидел за своим столом на кафедре и рассматривал фотографию Ольги. Не был ли ошибкой их развод? Быть может, все-таки не стоило ее отпускать?..

Она говорила, что никак не сможет объяснить своей матери, бывающей на тех же светских мероприятиях, что и ее зять, почему он откровенно волочится за женой известного бизнесмена Калентьева у всех на глазах? Они не расстанутся! Свобода отношений супругов Калентьевых стала притчей во языцех, жена не обращает внимания на всех длинноногих пассий мужа, он не замечает ее фаворитов, а с некоторыми даже дружит, но, причем тут ее дочь?!

Мать, говорила Ольга, человек старой формации. Мудреные интриги зятя, пусть и согласованные с ее дочерью, ей не понять. Их развод освободит маму от неприятных объяснений со своими знакомыми.

Пока Ольга все делает правильно, думал Потоцкий, вертя в руках фото белокурой красавицы-жены в изящной рамке. Даже очень правильно, порой — лучше, чем он от нее ожидал. Но, не заложил бы этот их фиктивный развод в ее голову мысль о том, что она теперь имеет право на некоторую свободу, и не обязана во всем отчитываться перед ним! Это было бы недопустимо — он слишком много места отвел ей в своей жизни и... в своей игре.

Потоцкий понимал, что этот вопрос является отголоском того, прежнего вопроса: были ли у его супруги шашни со Скрябиным? Он не спрашивал ее об этом, всем своим видом всегда выказывал полное доверие, словно подозревать ее, связанную с ним большими и далеко идущими планами, немислимо. Разве станет она, его жена, пускаться на ловлю дешевого кайфеца? Но, это он напугал на себя такой вид, в действительности же... В действительности, очень этого боялся.

Конечно, после гибели Скрябина, она вроде бы ничем не выдала своей особой скорби, это так. Но, как говорится, осадок все равно остался.

Она, конечно, понимает, думал Потоцкий, что его ухлестывание за женой Калентьева не более, чем карьерный трюк. Сколько они обсуждали это? Кто она, его красавица-Ольга, и кто — тридцативосьмилетняя Юлия Калентьева? Разве их можно рядом поставить? У Ольги прекрасно развита женская интуиция, она отлично чувствует это... Правда, Юлька (ха-ха, он теперь может ее так называть!) умеет себя держать так, словно она — бесподобная, и все другие начинают думать о ней то же самое...

Надо отдать должное Калентьевой, Юлия слово держит. Он доказал ей верность своим разводом, она устроила все так, как он просил. Муж ее, правда, оказался тем еще прохвостом! Как он обвел их вокруг пальца!.. Потоцкий так старался Навашинский проект провести через КБ «Флагман», все распределили, кто за что отвечает и сколько имеет, а этот хитрован взял, да и поставил на закупку сырья и материалов свой кооператив...

Ладно, все что ни делается, все к лучшему. Зато на этом проекте Потоцкий создал команду во «Флагмане». В Сосновке проколов не будет. Вставить палку в колеса там даже Калентьеву не по зубам. Кстати, заказчика на Сосновский проект он также нашел благодаря своей интриге с Калентьевой. С какими людьми завел знакомства, в какие кабинеты стал вхож! Осталось материальное положение поправить. А то, человек влиятельный, но бедный — это звучит комично. Скоро и здесь все будет в ажуре. Получив свой куш, Потоцкий вложит его

в такие бумаги, где утроит, упятерит, удесятерит — как повезет. Знакомству с основателем фонда он также обязан Калентьевой!

Скоро, скоро все пойдет по другому... Вот только Ольга... Слишком редко он с ней видится сейчас, перестал ее чувствовать... А ведь она в его системе ценностей, как в прямом, так и в переносном смысле, занимает архиважное место! Собственно, он сам отвел ей такое место... М-да.

Потоцкий снял трубку телефона, набрал номер. Он знал, что по этому номеру может ответить один из, примерно, тридцати или сорока человек, поэтому даже не пытался вслушаться в женский голос, который ответил:

— КБ «Флагман».

— Добрый день. Можно пригласить к телефону Чугурнова?

— Одну минуту... Василий Иванович! — услышал он в трубке удалившийся голос — трубку положили на полку. — Вас к городскому.

«Чапаев, блин!» — всякий раз, когда слышал имя-отчество своего друга, Васьки Чугурнова, смеялся Потоцкий.

— Алло.

— Здорово, Чапаев!

— Салют.

— Как здоровье?

— Предлагаешь поправить?

— Уволь, брат. Я с этими светскими раутами скоро печень себе посажу.

— Это я из-за тебя, Эдик, алкоголиком стану, — возразил Василий Чугурнов, прикрывая рукой трубку. Потоцкий знал, что городской телефон стоит у них один на весь отдел.

— Ты-то, Васек, с чего? — удивился Эдуард Витальевич.

— Так, в одиночку же пить приходится! Это верный признак алкоголизма. Ты все занят, а на вертеп у меня денег нет.

— Хм! И не надо! — усмехнулся Потоцкий. — Ты с Ленкой бражничай, по-семейному.

Чугурнов только цыкнул зубом, что должно было означать, выпивать с супругой — дело кислое.

— Как моя там себя ведет? Не балует? — спросил Потоцкий.

— Ха-ха, — хохотнул дружок. — У тебя — чутье!

— Что такое? — Потоцкий похолодел.

— Видел ее вчера в кафе с одним добрым молодцом из отдела систем.

— Что за молодец? — тяжело спросил Эдуард Витальевич.

— Солобон. Недавно появился, но наши невесты на него уже стойку сделали. Телочка архивная пунцовой делается, когда он к ней за синьками приходит.

Потоцкий с неприязнью подумал, что в большом смешанном коллективе мужики делаются такими же сплетниками, как бабы.

— Вася, ты меня огорчаешь, — еле сдержался он, чтобы не сказать приятелю что-нибудь обидное. — Ты считаешь, она может...

— Да, не дрейф, Эдя, — успокоил его Чугурнов. — Ничего она не может! Не бери в голову, мало ли кто у нас с кем в конторе в кафе встречается? Твоя Ольга, она же суперледи! Уверен, она просто позлить наших гримз решила немного. Они же ее сожрать готовы, только повода нет.

— Ты там не слишком громко разговариваешь? — забеспокоился Потоцкий.

— Нет, я контролирую ситуацию... Ольга твоя — с нами в связке. Я вижу, как она... тоже контролирует свою ситуацию. Но, боюсь, не наметилась бы у нас настоящая проблема...

— Что такое?

— Один нерядовой специалист что-то заподозрил, по-моему.

— Это тот, о ком я думаю?

— Да, о котором мы говорили.

— С чего ты решил?

— Замечаю кое-что. Это не по телефону бы обсудить. Если он всерьез начнет копать...

— Что ты мне объясняешь?.. Ладно, давай вечером встретимся. Постараюсь на сегодня отвязаться от Юльки и перезвоню тебе. Заодно, расслабимся немного. Укор насчет твоего скорбного одиночества мной принят, постараюсь что-нибудь организовать.

— У меня появился смысл жизни!

Хоть и закончили разговор на шутливой ноте, Потоцкому стало еще тревожней на душе. Что там еще за молодой да ранний вертится возле Ольги? И насколько серьезна угроза, исходящая от старого буквоеда? Черт возьми! Разумеется, не могут же они записать в «творческий коллектив» весь «Флагман» в полном составе, во главе с главным инженером и начальником-патриархом.

Постоянно требуется все держать под контролем, мысленно посетовал Эдуард Витальевич. Чуть расслабишься, упустишь, того и гляди, дело развалится... Не зря он волновался, что надолго отпустил от себя Ольгу. Надо будет сегодня же заехать к ней. Вот только с Васькой переговорит...

Проснувшись поутру, Алексей испытал острое ощущение счастья, еще не поняв, откуда оно? Когда вспомнил, накатила вторая волна.

Мгновенно выдернув себя из постели, он вырвался из своей комнаты и тут же налетел в гостиную на табурет, который сам же и оставил, когда забирал книгу с верхней полки, чтобы почитать на сон грядущий. Напрасный труд был, кстати. Какая книга?..

От наблюдательной мамы, конечно, не укрылось, что сынуля, вопреки обыкновению, не помянул черта при столкновении с табуретом, не пожелал, что б ему, табурету, пусто было (эту фразу матери вообще всегда сложно было понять — это чтобы на нем, на табурете, кот никогда больше не сидел что ли?), а рассмеялся так, будто смешинка в рот попала, и легким движением отставил препятствие в сторону. Поэтому мать не стала помянуть бога, как она привыкла, и любимая фраза: «Господи! Видать, миленький, не проснулся еще!» — осталась ею не сказанной. Она разложила на тарелке только что испеченные блинчики с творогом.

— С добрым утром, мамочка! — пропел он, верзила, сшибающий по дороге мебель, проходя мимо кухни, чем окончательно поразил родительницу, и скрылся в ванной комнате. Открыв воду, услышал, как на кухне уютно вздохнула газовая колонка, и представил себе вспыхнувший при этом в оконце голубой огонь.

Жуя блинчики, Алексей, поразмыслив, пришел к выводу, что радоваться в общем-то нечему, ибо налицо раздвоение личности! Нет, шиза его, к счастью, пока не подкосила, хотя, если так дальше дело пойдет, еще неизвестно, что его ждет... Пока, речь идет не о его личности.

С одной стороны, он помнил некую Провокацию, одиозную фигуру, любовницу трех начальников отделов, при появлении которой в этих отделах (и в других — тоже, чьи начальники еще не успели стать любовниками сей дамы), все мужики разом умолкали, поэтому явственно слышался скрип зубов их соседей. Сюда еще следовало добавить, что она оказалась бывшей женой заведующего кафедрой в ГИВТе и, что самое скверное, тайной пассией брата-Артема, погибшего при невыясненных обстоятельствах и, возможно, имеющей прямое или косвенное отношение к его гибели.

С другой стороны, он вчера познакомился с Ольгой Остроумовой, своей ровесницей, сказочной красавицей, умницей, окончившей вуз с красным дипломом, назло завистникам делающей стремительную карьеру в КБ «Флагман».

Теперь нужно каким-то образом уложить в голове, что это один и тот же человек.

Рукавишникову очень не хотелось принимать во внимание сплетни, слухи и домыслы, порожденные завистью и ревностью, а хотелось только верить своим глазам, которые видели вчера девушку так же близко, как он видит сейчас тарелку с аппетитными мамиными блинчиками, и своим ушам, которые слышали рассказ девушки о своем первом романе. Роман, так же как и первый мамин блин в ее далекой юности, вышел комом.

И только однажды, пожалуй, эти личности сошлись в одну, перестали противоречить друг другу — когда дама выдала фразу о том, что она держала Артема в узде, фразу, более подходящую для Провокации, но сказанную Ольгой Остроумовой. Да, еще, когда она вывела алиби — свое и мужа — на момент гибели Артема.

Правда, она же сама и объяснила ему, что в одном случае была ее «отмазка» для мужа, которая не понадобилась, в другом — пересказанное резюме сыщика.

Алексей не хотел слышать ни о какой Провокации, а хотел еще и еще видеть Ольгу Остроумову, чтобы смотреть на нее теперь открыто, не боясь, разговаривать с ней, быть может, даже взять при случае за руку, чтобы убедиться, что она создана из плоти и крови, а не родилась в его воображении. А то ведь с их напряженной умственной работой, говорят, всякое бывает...

Интересно, как они встретятся теперь в КБ? — думал Рукавишников. С одной стороны, они лишь вчера познакомились и совсем не знают друг друга, если не считать того, что этот шалопай Тема, наверняка, выставил Алексея перед ней шутком и скоморохом в своих рассказах (не тем будь помянут).

С другой стороны — у них общее прошлое, Артем. Может, это Провидение так решило, что брат должен проложить дорогу к счастью брату? Алексей, конечно, отказался бы от такой жертвы, если бы его спросили заранее, но, его ведь никто не спрашивал, вот штука в чем.

Алексей подумал, что если Тема слышит оттуда, какую чушь он тут мысленно несет, то наверняка простит, ведь он сам видел и знал ее!

Показав на вахте пропуск, Алексей ступил на широкую парадную лестницу и... сразу увидел ее! Ольга Остроумова в другом платье, с другой прической, еще более красивая, если только это возможно, главное — другая! — спускалась по лестнице ему и другим навстречу. Да нет, это была не Ольга, а настоящая Провокация! Алексей понял, что все то, что он недавно надумал насчет простоты и дружбы, относилось к той, другой Ольге Остроумовой. Но, такой он больше не видел, подойти к этой по-простому он уже не сможет!

«Здравствуйте, здравствуйте», — едва заметно кивала королева налево и направо.

Алексей не был готов ее увидеть так, сразу.

— Здравствуйте, — сказала она и ему, одними губами, снова переходя на «вы», да нет, скорее просто по инерции, как всем.

— Здравствуйте, — так же, едва слышно, ответил и он ей.

«Вот и встретились», — подумал при этом, вспомнив, заодно про бабушку, но не свою, а ту, которая так ждала Юрьев день.

«А что бы ты хотел? — стал он отчитывать сам себя за наивность. — Чтобы она остановилась среди лестницы у всех на глазах и принялась с тобой обсуждать вчерашнюю вылазку в кафе?..»

Они — только коллеги по работе. Вчера она согласилась сходить с ним в кафе — понятно, почему. Просто слишком утомилась за день с этой спецификацией, сама сказала. Вот и уступила его приглашению. То, что в процессе беседы выяснилось, что у них есть общее прошлое, ничего не значит. Мало ли, насколько тесно люди сходятся, например, в командировках, в силу обстоятельств? Алексей знает уже десятка два человек, женщин и мужиков, с которыми вместе, облачившись в тренировочный костюм, бражничал в гостиничных номерах за общим столом — в Красноярске, Выборге, Комсомольске-на-Амуре!..3 И что? Ничего. Теперь, встречаясь в коридорах, здороваются, и все. Даже не спрашивают, как дела. А то, вдруг выяснится, что

дела у него ни к черту, и нужна их помощь! Вот беда-то будет... Они же не друзья — просто коллеги по работе. Разве что, можно без стеснения приносить работы на согласование. Коллега сразу вспомнит, что вместе лазали по строящемуся судну с чертежами и рулетками, вдыхали запах сварки и неокрашенного металла, скажет: «Давай, что там у тебя?..» И сам Алексей аналогично, с вниманием и улыбкой, будет встречать знакомых у себя на рабочем месте, тех, с кем работал на выезде. И все.

Чего он добился вчера в кафе? Того же самого. «Будем знакомы, перейдем на «ты». Ну, перешли... вчера. А сегодня снова на «вы» вернулись...

Все это пронеслось в голове быстрее, чем он дошел до площадки, где широкая лестница разделялась на две поуже, расходящиеся вправо и влево. Алексей не стал изображать Буриданова осла, замерев в нерешительности, пошел налево. Во-первых, это мужчине как-то привычнее, а во-вторых подсознательно определив, что отсюда лучше просматривается вестибюль, в который спустилась Ольга. Он увидел ее рядом с весьма представительным господином в шляпе и при кожаном портфеле — ну, просто, министр речного флота! Алексей догадался, что это и есть бывший муж. Напрасно он вчера к ночи был помянут! Вот уже и явился, доложили ему, наверное. Вообще, какого черта он таскается, если они разведены?!

Увидев ее экс-супруга, Алексей уяснил вполне, с какими людьми она привыкла общаться. Муж старше лет на десять-двенадцать, вероятно. Потому-то ей и с начальниками отделов и секторов проще. Поднаторела со зрелыми мужами в компаниях! Темы бесед — соответствующие. Что ей ровесники с их глупостями: пиво, сигареты, дискотека?

Сволочи! Лишили девушку невинности... Тьфу, оговорка по Фрейду! Хотел сказать — юности.

Обидевшись на весь свет, Алексей, сердитый, явился к своему чертежному прибору, носящему простое «русское» «имя» — «кульман».

— Ну, как оно? — появилась из-за кульмана голова Губарева.

«Глядите-ка, живее всех живых! — подумал Рукавишников. — Хотя, легкое амбре ощущается. Значит, посетили-таки вчера вечером злчное место».

— Оно и есть оно, — ответил он Губареву. — Если плавает, то не тонет, а если лежит, то лучше не шевелить — вонять не будет.

— Это ты о чем? — не понял ведущий конструктор.

— О жизни. А ты о чем спрашивал?

— О здоровье.

— Да! — вдруг неизвестно чему обрадовался Рукавишников. — Точно! Пойду после работы и поправлю!

— Вот! И мы вчера в «Слоне» так душевно посидели...

«Кто бы сомневался», — подумал Алексей.

— Алексей Александрович! — позвал его Татаринцев.

— Да, Дмитрий Альбертович?

— Ну, как ваша спецификация по пятьсот пятьдесят пятому?

— Не так много исправлений. Сейчас сделаю корректировку и отнесу.

— Хорошо. Постарайтесь!

— Я помню, Дмитрий Альбертович.

— Не буду мешать, — голова Губарева исчезла.

Львовича Алексей тоже старался не одолевать вопросами, но иногда — приходилось. Всякий раз с удивлением обнаруживал, что Губарев обязательно найдет ответ. Он честно зарабатывает на бутерброд в баре «Серго слона», как и на то, что им закусывают.

Долго Алексей грустить не стал. Решил, что если в это утро, едва оно началось, он уже успел потерять свое хорошее настроение, это еще не повод терять даром время.

А ведь как все удачно начиналось! И с ноги встал с той, и сон ему плохой не приснился, и никакая собака его не кусала, муха — тем более, она укусила Губарева... Вот, поди же ты! Шерше, как говорится, ля фам!

Рукавишников отправился согласовывать в других отделах свои чертежи, пока электронщики домучивают его спецификацию.

Александр Львович, видя, что Алексей сворачивает в трубу свои творения, не преминул дать совет:

— Ты будь понаглее!

— Как, еще наглее? — удивился Рукавишников. — Ничего не получится, у них петли слабые.

— У кого? Какие петли? — не понял ведущий конструктор.

— У начальников в «аквариумах». Если я стану двери ногой открывать, могут не выдержать. Я имею в виду — петли. Начальники — те все выдержат. Не зря же выбились.

Губарев запыхтел в свои черные усы: «Пуф-пуф-пуф», — это он так смеялся.

— Ну, пинком — не стоит, — смиловился он. — Но на столике для согласования не оставляй, носи сразу начальнику на стол. Вежливо, но напористо. Рассмотрите, мол, плиз.

— Хорошо, — согласился Алексей. — Буду говорить, не корысти ради, а токмо волею пославшего мя начальника группы.

Классика всегда выручала.

Свой обход Рукавишников начал со второго этажа, с корпусников. Начальник отдела у них, Рудольф Эдуардович Зильберштейн, уже полгода по больницам мыкался, бедолага, за него сидел молодой, и по виду — очень наглый, рыжий зам, по фамилии «Пустиков». Естественно, за глаза все его звали «Пустяков», или просто — «Пустяк», хотя Алексей считал, и своя фамилия у рыжего — уже шедевр.

«Лучше бы он при получении паспорта обозвал себя по матушке, извините за выражение, — подумал Рукавишников. — Хотя, может статься, и не лучше. Сперва следовало бы его спросить: «Как зовут твою мать?»»

Наглость «Пустякова» пока лишь была написана на его лице, но никак не показывала себя, не считая того, что он уселся в кресло начальника. Еще, видимо, не обвыкся, поэтому не стал Алексея мариновать, сразу вызвал сотрудника Пашу Грушина. Алексей был с Грушиным знаком — по командировке в Красноярск.

— Паша, посмотри, пожалуйста, чертежи коллеги из отдела систем. По обращению было видно, что «Пустяков» пока еще больше принадлежит братству конструкторов, нежели клану их начальников, бесцеремонно захватывающих лучшие шлыги — хорошо оплачиваемые сверхурочные работы — и гребущих деньги лопатой.

— О! Здорово! — Грушин протянул Алексею руку.

— Привет!

— Ну, показывай, что тут у тебя?

— План поднятия и реставрации Титаника. — Алексей развернул «трубу», Грушин уткнулся в ватман:

— Так... так... так, все нормально, нас не ущемляют.

Алексей и без его слов был уверен, что его воздуховоды на их корпусе — что нитка на спине у бегемота, но все равно доброе отношение было приятно, как кошке — слово.

— Хо-ро-шо! — пропел «Пустяков», ставя свою визу в штампе.

— Спасибо, — поблагодарил Рукавишников и подумал: «Вот будет забавно, если он сейчас ответит: «Ничего, пустяки». Но, зам промолчал, только Грушин пожелал:

— Ну, удачи, давай!

— И тебе.

Далее Алексей вернулся на свой этаж, прошел в соседнее крыло — к механикам. Тут сам Борисоглебский, лично, никого не вызывая, развернул его чертежи, впери́л свой острый, как нож, взгляд в работу Рукавишникова, и от того, что Рукавишников не понимал, что он там смотрит, а Борисоглебский явно читал его чертеж, как книгу, молодой специалист проникся еще большим уважением к человеку, когда-то встречавшему его в этом здании первым.

«Интересно, действительно ли Провокация была (или даже до сих пор является) его любовницей? — подумал Алексей. — Ну и амбиции у нее, однако, если это так!.. Жаль, что Борисоглебского придется убить тогда».

От Борисоглебского Алексей отправился к электрикам. Их руководителя Шахрутдинова он откровенно не любил. Это был высокий брюнет с удлинённым волевым лицом. Особенно хорош Шахрутдинов был, когда смотрел прищури́вшись — вылитый Кальтенбрунер из «Семнадцати мгновений весны». Не нравилось же то, что Алексей, проработавший в КБ уже некоторое время, все еще был для этого начальника, вероятно, размером не больше блохи. Тот конструктора пока что в нем в упор не видел. Допустим, Алексей и сам в себе пока конструктора не видел, но это другое дело.

Шахрутдинов еще ни разу не взял в руки сразу ни одного его чертежа, а всегда предлагал положить на столик для согласования и прийти позже. Правда, через пару часов, когда Алексей возвращался, чертежи обычно были уже подписаны без замечаний. Почему нельзя было завизировать их сразу, Рукавишников не понимал.

Машинально поднявшись на четвертый этаж к электрикам, Рукавишников лишь открыв дверь, сообразил, куда пришел и кого он сейчас увидит. Однако, за первым столом было пусто. Вот новость: она что, все еще с мужем внизу стоит?..

Зафиксировав свою недовольную мысль, Рукавишников мысленно же удивился сам себе: «Вообще-то, Алексей Александрович, — стал он себя отчитывать, — вы, как истинно советский человек в прошлом, ко всему, конечно, должны быть равнодушны: к давнему Карибскому кризису, голоду в Африке, вопросу, есть ли жизнь на Марсе, и когда поймают этого, сукина сына, снежного человека — разбежался, понимаешь... Что же касается Ольги Остроумовой, то, какое вам дело, стоит она там с мужем, или не стоит?»

Рукавишников повернул от пустующего стола Остроумовой направо, к «аквариуму» ее начальника, и — нате вам, пожалуйста, увидел обоих! И начальника, и Ольгу. Причем, дверь в «аквариум» была закрыта, что, по негласным правилам, означало, начальник занят. Чем он занят, точнее — кем, могли видеть все сквозь прозрачную дверь. «Кальтенбрунер» сидел не за рабочим столом, а за гостевым столиком. Напротив него расположилась она — вчера возникшая головная боль Рукавишникова. Распивала с шефом кофе! Секретарши в кабинете не было, ее, вероятно, послали. В смысле — с каким-нибудь поручением. Главный электрик и ведущий конструктор Остроумова были вдвоем, и о чем они разговаривали, никто не слышал.

Никогда прежде Алексей не видел, чтобы начальник отдела распивал кофе со своим подчиненным. С приезжими командировочными высокого ранга — другое дело. С гостями из иных организаций (своего уровня) — да. Но, чтобы с собственным сотрудником, хоть и первой категории... Только на праздниках, за общим столом. Да и то, начальник отдела приходил обычно ненадолго, только чтобы поздравить, пожелать, и прочее.

Первая ипостась раздвоенной личности дала уже второй толчок в бок второй, милой, ипостаси. Возникла угроза, что стервоза может и вовсе выгнать симпатягу вон.

Алексей решил не заходить к главному электрику, не просить униженно разрешения оставить чертежики для согласования, и гордо удалился к себе, поймав взгляды рядовых девушек-«электричек», мол, что делается-то, а? Совсем стыд потеряли!.. Он закрыл за собой дверь отдела, усилием воли расправляя плечи, которые хотели ссутулиться, и задирая повыше нос, который норовил повиснуть, как у старого еврея, в жизни насмотревшегося такого — ни приведи господь!

— Ну как? — спросил Губарев, увидев своего подопечного снова на рабочем месте.

— Две дистанции прошел удачно, — доложил Рукавишников. — Корпусников и механиков. А на электриках споткнулся, как всегда.

— Почему не оставил?

— Они заняты-с. Не посмел-с.

— На Провокацию нарвался?

— Ты откуда знаешь? — удивился Алексей.

— Я пятнадцать минут назад ходил, она уже сидела у Шахрутдинова.

Губарев приблизил лицо к Рукавишникову и сказал, понизив голос с прононсом: — Тоже не решился.

— Бардак! — сделал вывод Рукавишников. Он схватил карандаш и с раздражением, в несколько штрихов, нарисовал женский портрет с большими выразительными глазами, приподнятыми бровями, и сам поразился, насколько Провокация получилась на себя похожа!

— Ух, ты! — Увидел все замечающий Губарев. — В нашем КБ пропадают таланты!

— Без талантов пропадет КБ! — ответил Рукавишников. — Но я в их число не вхожу. Пароходы строят не рисовальщики!

Но, Губарев очень оживился, став свидетелем рождения произведения искусства.

— Ты аккуратно тушью обведи, линия в линию, мы подумаем, как и кому этот портрет преподнести! Мало ли праздников впереди — восьмое марта, первое апреля... Пошалим! Держи! — Начальник передал Алексею рейсфедер и пузырек с тушью. — Осторожно, кляксу не поставь!

— Я же не Буратино, нос в чернильницу совать не стану. В крайнем случае — в чужие дела.

Твердой рукой он аккуратно обвел портрет.

— Супер! — оценил Губарев.

Алексей прижал руку к сердцу, поклонился ведущему конструктору. Александр Львович взял двумя пальцами аккуратно лист с портретом, заметил у Алексея на столе газету и вложил в нее портрет, словно в футляр. Он хотел забрать его себе, но Рукавишников деликатно не позволил.

— Разрешите. — Он забрал свое творение у Губарева.

— Да, автор вправе хранить произведение у себя, — согласился начальник. Алексей, впрочем, прятать портрет не стал, а положил его на край стола в стопку бумаг, и, сложив чертежи в трубу, отправился снова к электрикам.

Потянув дверь их отдела на себя, он вновь увидел, что за столом Остроумовой никого нет, однако дверь «аквариума» была открыта, «Кальтенбрунер» сидел за рабочим столом, в углу барабанила на машинке вернувшаяся неизвестно откуда секретарша.

Где теперь-то ее носит? — подумал Рукавишников про Ольгу, признавая, что маразм его крепчает, но не в силах с собой совладать.

— Здравствуйте, — приветствовал он начальника отдела электриков и, зная его дурацкую привычку, не стал даже и пытаться продвинуться дальше столика для согласования. — Я оставлю чертежи на подпись? — Он указал на столик.

— Давайте, я посмотрю, — неожиданно смиростивился Шахрутдинов.

Посмотрев каждый из трех листов, он на всех поставил свою подпись и вернул Алексею.

— Спасибо.

«Эк, его Мамочка размячила», — удивился Рукавишников.

Далее чертежи следовало нести в нормоконтроль, дабы там проверили, не нарушил ли Рукавишников какой-нибудь ГОСТ при оформлении своих работ. А он, конечно, нарушил, и вчера нарушал, и завтра нарушит тоже.

Иначе в один прекрасный момент может выясниться, что Ниночка Кристовлинская, жгучая брюнетка с ослепительной улыбкой, курирующая их сектор, даром получает свою зарплату, которую тратит на горнолыжном курорте Домбай, о чем свидетельствуют фотографии на стене у нее за спиной.

Алексей считал, что беспокоиться Ниночке не стоит. Такую красавицу всегда найдется, кому свозить на Домбай, даже если она вовсе перестанет получать зарплату. Он и сам был готов ее свозить, несмотря на то, что ни разу в жизни не вставал на горные лыжи, если бы только согласилась, но, лишь до вчерашнего вечера. Ибо против Ольги Остроумовой даже звезда нормоконтроля блекнет. Черт бы побрал их обеих!

Вот уже три месяца, как Алексею некого было пригласить не то, что на Домбай — хотя бы в кино, после того, как его последняя подружка, с которой он завел шуры-муры еще до армии, выписалась из общаги швейной фабрики и укатила в родные Чебоксары, поняв, что с Алексеем каши не сварить. Он и сам понимал, что каши с ним не сварить — заварить какую-нибудь кашу он еще может, но это девушке из Чебоксар, ищущей тихого семейного счастья, не подходит.

Горнолыжница Ниночка лихо проехала своим отманикюренным ноготком по листам Рукавишникова, написав кучу замечаний на листок, и Алексей удалился из ее кабинета — исправлять.

И надо было ему пройти в свой отдел через механиков! Он опять увидел свою белокурую красавицу. Та сидела теперь в кабинете Борисоглебского и «опорный столп» КБ, хоть и смотрел на нее серьезным взглядом, но, в уголках губ его — Алексей это видел — дрожала улыбка!

Все, это был последний удар! Раздвоение личности исчезло. Никакой Ольги Остроумовой больше не существовало. Провокация царила безраздельно. Чего там Алексей намечтал себе после вчерашнего кафе?

Как подруга сильных мира сего (пусть — в масштабах Рукавишникова) вообще согласилась с ним, простым смертным — рабочей лошадкой КБ, о котором она, кроме названного имени ничего не знает, сходить в кафе — уму непостижимо! «Космос» — это, конечно, не «Слон», но и там она успела с ним засветиться. Возможно, жалела потом. Так низко пасть! Видно, ее действительно ЭВМ сильно утомила.

«Кстати, об ЭВМ. Не забыть к вечеру в подвал наведаться, — подумал Алексей. — Работу-то все равно надо сдать до выходных.

Подвести Татаринцева он не мог. Даже если через месяц он уволится из «Флагмана», до тех пор следует соблюдать приличия и быть благодарным людям, которые делали ему добро. Напакастить им он всегда успеет. Это, если все-таки уйдет из «Флагмана». Конструктор — не огурец. Его за один сезон не вырастишь. Чайник, которого посадят на место Рукавишникова, еще долго будет учиться разрабатывать чертежи под руководством Губарева и постигать жизненную мудрость: «Чаем пьешь — орлом летаешь, водкой пьешь — свиньей лежишь... Правда, чай — не водка, его много не выпьешь».

К вечеру Алексей спустился в подвал, где ему выдали перебитые карты и новую распечатку белых листов с дырками по краям, цепляющихся друг за друга при разъединении. Он прошел в особую комнату, где сегодня было не так людно, как вчера. За столами сидело несколько человек, пара столов вообще пустовала. За один из них Рукавишников присел и принялся лист за листом с характерным треском раздирать спецификацию. Занятие это оказалось столь же увлекательно само по себе, как, например, отрывание резиновых «козявок» от пальцев после склеивания лодки, или лузганье семечек. Бывает, и грызть-то их уже не хочется, а прекратить не в силах, пока семечки не кончатся.

На последних листах он вдруг услышал голос над ухом:

— Можно?

Подняв глаза, увидел Ольгу Остроумову. Сомнений не было, одиозная личность осталась где-то там, в кабинетах начальников, сюда же пришла милая красавица, с которой он познакомился вчера. Правда — в том же платье, что было утром на Провокации, с утренней ее прической, но без утренней надменной улыбки, скользящего мимо взгляда — когда та спускалась по лестнице к своему мужу. Сейчас девушка смотрела только на Алексея, улыбалась лишь ему, и спрашивала именно его, больше за столом никого не было. Остроумова, хоть и имела уже первую категорию, но в КБ проработала все же не настолько долго, чтобы у нее могли начаться глюки и она приняла Алексея за кого-то другого, например, за Жана-Поля Бельмондо. Конечно, случись такое, Рукавишников, наверное, попытался с этого состричь какую-нибудь выгоду, но, все же корифеи говорили, что все, у кого в КБ поехала крыша, находились в более зрелом возрасте.

— Пожалуйста, — проговорил Алексей, боясь, что плохо скрывает перед ней свою растерянность и радость.

— Привет, — сказала Ольга, присаживаясь рядом так, словно они сегодня еще не виделись. — Как успехи?

— Вот, нашел занятие по своему интеллекту. — Он оторвал еще один лист от распечатки: тр-р-рыть! — С самого утра хочется рвать и метать.

— Что так?

— «Спартак» вчера продул «Барселоне».

Счет он услышал в маршрутке, пока ехал на работу.

— Увлекаешься футболом? — с пониманием улыбнулась Ольга.

— Нет, совсем не увлекаюсь, — признался Рукавишников. — Просто, за державу обидно... А ты как, нашла ошибку?

— Да, легко. Утро вечера мудренее.

— Иногда — мудренее, — вздохнул Алексей.

— Такое тоже бывает, — согласилась Ольга. — Сейчас посмотрю еще раз спецификацию и, наверное, все, сдам.

— Угу. — Алексей порадовался ее близости к победе.

Она принялась листать свою спецификацию, но, Алексей чувствовал — только для вида. Сама же наблюдала за ним боковым зрением. А, может, ему только казалось так потому, что он сам за ней следил?

— Представляешь, — вдруг прошептала ему Ольга, — Васька Чугурнов уже успел наступать мужу, и тот притащился поутру мне нотацию читать!

— С какой стати? — удивился Алексей.

— Я не должна вести себя легкомысленно, — объяснила Ольга. Она сделала серьезное лицо, сложила руки на столе, как на парте. — Обязана быть примерной девочкой. Просидев так пару секунд, она рассмеялась. Алексей не выдержал и рассмеялся вместе с ней. На них обернулась дама, сидящая впереди.

— Извините, мы немного расшумелись, — упредила Ольга ее намерение сделать им замечание. Дама, ничего не сказав, отвернулась.

— Ничего не понимаю, — признался Алексей, понизив голос. — С какой стати он тебя пасет, твой бывший?

— Считает себя ответственным.

— Быть может, он что-то перепутал и считает себя твоим папой?

— Наверное, есть немножко. Он старше меня на двенадцать лет. Но, все-таки, папа у меня свой имеется, и он об этом знает...

— Когда пойдем сегодня в кафе, — вдруг предложил Алексей, — надо будет поменять монеток. Станешь ему звонить почаще, чтоб не волновался.

— А мы и сегодня пойдем в кафе? — удивилась Ольга, но, кажется, не очень сильно.

— А тебе разве мороженое не понравилось? — спросил Алексей, нагляя еще больше.

— Мороженое вкусное. Но, сегодня давай пойдем в «Шоколадницу», — сказала она. — Теперь я угощаю.

— Еще чего! — возмутился Алексей.

— Тебе не нравится «Шоколадница»?

— Я обожаю «Шоколадницу»! Это мое самое любимое заведение, после пивного бара «Скоба», но, угощаю я! Хоть я и топал еще в сапогах, когда вы, сударыня, уже получали категории, а все же на то, чтобы угостить даму, коллегу, я зарабатываю.

— Ладно, с этим мы разберемся, — решила Ольга.

— Разберемся, — подтвердил Алексей.

— Тогда, снова у Максима? — спросила она.

— У Максима, — согласился он, сразу поняв, о ком она.

Ольга поднялась и вышла из особой комнаты. Алексей остался проверять свой «талмуд», но, конечно, уже не мог понять в нем, ни слова, ни цифры.

Что же это такое творится, граждане?

Ольга была в том же плаще, что и вчера, Алексей узнал ее издали. Подойдя к нему, она улыбнулась и взяла его под руку:

— Пойдем.

Рукавишников просто обалдел. Если бы хоть один человек увидел, с кем он шагает запросто по Свердловке, завтра весь «Флагман» шушукался бы у него за спиной. Может быть, кто-то даже подошел взять автограф, только не с чертежом... Когда Алексей смотрел на Ольгу, то не верил, что такая девушка идет рядом с ним, будто это... его девушка! Такого просто не может быть. Он ей не пара. Ее пара — это Илья Савельевич Борисоглебский, или Шахрутин, Добродеев, Татаринцев... Ее бывший муж, наконец, — господин с портфелем, в шляпе.

В качестве кого Рукавишников идет рядом с ней? Друга? Коллеги? Или все дело в Артеме? Она же была с ним. Правда, Алексей понятия не имеет, как далеко зашли их отношения, сколько они встречались? Он вообще не знает ничего.

Конечно, он не ребенок, а все-таки слова Артема, будто тот имел у нее успех, можно понимать, как угодно. Впрочем, Ольга же сама призналась ему в близости с Артемом...

Какая ему разница, что в ее жизни было прежде?

— Васька Чугурнов давно работает во «Флагмане», — продолжила прежнюю тему Ольга. — И как губка впитывает все настроения конторы. Он, видимо, разделяет мнение кумушек, что я веду себя слишком вольно.

— А ты что, на самом деле даешь повод? — с самым невинным видом спросил Алексей, ощущая ее руку на своей руке.

— Я и сейчас его даю! — воскликнула Ольга весело. — Вот, иду с тобой в кафе. Под ручку тебя держу. — Она подергала своей рукой его кренделем согнутую руку.

— Ну, ты меня еще не соблазнила, — констатировал Рукавишников. — Я тебя — тоже. Надеюсь, это у нас впереди, но пока в том, что коллеги отправились вместе в кафе, чтобы перемыть кости начальству, никакого криминала не углядишь.

— Мы же не про криминал говорим, а про повод для сплетен, — продолжала веселиться Ольга. — Каждый понимает ситуацию в меру своей испорченности... Я люблю пообщаться. Разве же я виновата, что в дамском обществе мне отказано? Почему-то считается, будто я нос задираю. У меня же, наоборот, сложилось мнение, что это наши кумушки передо мной нос задирают. Ну, и я в подруги тоже не набиваюсь.

— Они напускают важность на себя от обиды, — успокоил ее Алексей,

Им категории не дают, и начальство вниманием обходит.

— Да, знаю я все. А, ну их!

— Правильно, ну их!

Дружба Алексея и Ольги крепла с каждой минутой, ведь дружить легко и приятно, если быстро находишь согласие в том, против кого.

— А твой супруг — очень солидный господин, — вспомнил Алексей. — Это ведь его я видел поутру в вестибюле?

— Бывший супруг, — уточнила она. — Его.

— Может, ты погорячилась, бросив такого мужа? Любая из кумушек им гордилась бы.

— А ты простил бы измену?

— Точно не знаю, — задумался Алексей. — Не пробовал. Мне сначала потребовалось бы приблизить кого-то к себе до такой степени, чтобы у того появилась такая роскошь — возможность мне изменить. Чтобы его поведение стало настолько значимым для меня, что отклонение я стал бы считать изменой. Я, если честно, человек в некоторой степени самостоятельный, скажу без ложной скромности. И, как я уже хвастался однажды, немного знаю людей. Ну, потому что старался заниматься в жизни не только собой, как большинство, а и другими — тоже. Правда, не спрашивая их согласия на то, грешен. Иногда это означает — подслушивать и подсматривать.

С другой стороны, если в странах имеются целые специальные службы, которые тем только и занимаются, что подслушивают и подсматривают в интересах державы, то, почему бы отдельно взятому индивиду этого не делать — в своих интересах? Довольно скромных, кстати... Но, вернемся к нашей теме. Измена девушки для меня стала бы поводом задуматься, а была ли она, на самом деле, со мной? Посмотреть на ее поведение внимательнее. Может, она просто была рядом, а не со мной?

— Ты заставляешь меня чересчур глубоко копать. Хочешь сказать, муж мне, может быть, и не изменял, просто он и не был моим, на самом деле, мне это только казалось?

Алексей подумал, что, кажется, он заронил девушке новое сомнение в душу.

— Тебе виднее, — сказал он. — Это ведь твой муж.

— Хорошо, я подумаю об этом на досуге, — отмахнулась Ольга, сделав вид, что — легко.

Они прошли мимо «вчерашнего» «Космоса», дошли до «Шоколадницы», располагавшейся в цокольном этаже, спустились по ступеням.

— Ух, ты! Какой тут интим! — воскликнул Алексей, естественно, не на все кафе, а так, чтобы слышала только Ольга. Он имел в виду полумрак и ту особенность, что столики, располагающиеся вдоль стены под неяркими светильниками, разделены перегородками. Так что, тем, кто сидел за своим столом, не было видно, что творится за соседними. А, если соседи не орала во все горло, то и не слышно. — Сто лет здесь не был, все переменялось.

— Если не нравится, можем пойти в другое место. — Ольга заглянула ему в глаза своими бездонными глазищами.

— Напротив, очень нравится! Здесь такое освещение... Говорят, только в сумерках человек полностью раскрывается, перестает смущаться. Так что, если я вдруг запою на всю кафешку, или на стол запрыгну, чтобы сплясать, ты не пугайся — это просто я раскрылся. Я всегда так делаю, когда один остаюсь.

— Господи! Черт меня дернул сказать про «Шоколадницу», — заволновалась Ольга. — Сидели бы в «Космосе», там светло, все люди — приличные, спокойные.

— Этого ты знать не можешь наверняка, — возразил Алексей. — Ты ведь не видела тех же людей в «Шоколаднице»....

Они заказали по чашке горячего шоколада и по три разных пирожных. Ну, то, что Алексей не боялся испортить фигуру, это ясно. С кем дружить — со спортом, или со змеем, он давно решил. Надо дружить с обоими, чтобы никого не обижать, но, предпочтение отдавал, все же, спорту. Правда, не стремился никогда быть среди тех, что хотят всем рекордам наши

звонкие дать имена, — так, для себя. Но Ольга! Она, кажется, тоже не была помешана на диетах, в отличие от кумушек.

— Я люблю пожарть! — призналась она, весело уписывая пирожные. Словечко, видимо, было из, все того же, лексикона подружки Сереги Опарина.

Увидев, что Рукавишников смотрит на нее с некоторым удивлением, она принялась загибать пальцы:

— Утренняя гимнастика — раз, дважды в неделю бассейн — два, дома имеется велотренажер — три. В общем, все калории сгорят.

— Да ты просто супер! — выразил свое восхищение Рукавишников. — Я горжусь тем, что работаю с тобой в одном КБ!

— Просто я хочу быть женщиной, а не теткой.

Алексей лишь покачал головой, мол, нет слов.

Вечер прошел легко, весело, Алексей постоянно видел ее улыбку, в которой не читалось и следа той надменности, с которой она раздавала кивки поутру на лестнице.

На другое утро, окончательно управившись со спецификацией, Алексей почувствовал, как выросла его самооценка. Все же он может соображать, когда захочет. Не в том смысле, как Губарев в обеденный перерыв в баре «Серого слона» — в том смысле, как это делает Губарев, когда он не посещает бар. Все же, как конструктор, Львович — зубр! Может, и Алексею тоже выкинуть все прочие фантазии из головы, да и начать спокойно делать карьеру в КБ? В понедельник поедет в командировку, чтобы расти, как конструктор, потом, когда вернется, отправится в другую, длительную, там он вообще вытянется, словно подросток за лето.

Вообще-то Алексей любил путешествовать, тем более — за счет конторы, совмещая приятное с полезным, но нынче ему, быть может, впервые не хотелось никуда уезжать. То есть, с одной стороны, хотелось, с другой жалко было все бросать... А, собственно говоря, что все? Ольгу Остроумову? Так она никуда не убежит. Как работала, так и будет работать. Их складывающиеся отношения? А как они складываются? Что он себе надумал? Они — просто коллеги и, в этом смысле, еще успеют наобщаться.

Так-то оно так, но... голос разума не помогал, если честно. Алексей хотел остаться и продолжить общение именно сейчас.

Он решил схитрить и не упираться с работой, а, наоборот, позволить себе расслабуху на два дня. Отнес Ниночке в нормоконтроль свою записку и задумал на два дня забыть о ней. Знал, что звезда домбайских склонов сама не позвонит. Однако, вновь произошло чудо. Ниночка изменила себе. Может быть, конечно, она еще кому-нибудь изменила, этого Алексей не знал, но себе — точно. Позвонила сама Татаринцеву и сообщила, что спецификацию по проекту десять пятьсот пятьдесят пять можно забирать. То есть, она сдала Алексея начальнику сектора с потрохами.

Разумеется, Татаринцев обрадовался и предложил Рукавишникову отправляться в Навашино уже завтра, чего время терять? Он же не знал, что Алексей как раз считает поездку в Навашино потерей времени. Своего, во всяком случае.

Татаринцев так рассчитал, что в четверг Рукавишников доберется, а в пятницу соберет все извещения и вопросы по их сектору, привезет, в понедельник с утра сдаст, а после обеда сядет на поезд до Ленинграда, чтобы ехать дальше в Выборг. Билеты следует взять заранее. Выходные будут его.

Рукавишников не был уверен насчет выходных, что они будут его. Не пришлось бы задержаться на заводе, оформлять извещения. Вообще, этим должны заниматься девчонки-техники, но, разве их загонишь в командировку?

В любом случае, вечера будут в его распоряжении, он сможет взять творческий блокнот, с очередной неоконченной «формой», которую требуется окончить, чтоб не было ощущения,

что он теряет даром время. Хватит того, что жизнь даром проходит — Ольга Остроумова не с ним!

Рукавишников поймал себя на мысли, что больше и больше напоминает вшивого, который все про баню.

Алексей посчитал, что обязан доложить своей новой подруге-коллеге: более они не увидятся... некоторое время. И под этим предлогом заманить ее еще раз в кафе — на отходную. Приняв такое решение, он тут же и сдрейфил. Одно дело, приглашать ее, когда они случайно встретились и так разговор сложился, будто бы все само собой вышло, другое дело — специально идти к ней в отдел. Он представил себе ее во всей славе, такую шикарную, ухоженную, по-королевски великолепную, ослепительную... ух! Никто же не знает, что у них сложились простые, дружеские отношения. На него все электрики, начиная от Шахрутдинова и кончая последней чертежницей, ни разу в жизни отвертку-фазометр в руке не державшей, уставятся, когда он, открыв дверь их отдела, направится прямо к Остроумовой. Да и сама она, пожалуй, посмотрит на него эдак: вы, молодой человек, не забылись ли? Подходить ко мне вот так, без дела, как к какой-нибудь Светочке из архива?

Алексей понял, что ему срочно нужен повод. Но, где его взять? Тут он вспомнил, что непосредственный начальник изготовил три чертежа и приготовил к согласованию, а пока заканчивает записку.

Алексей заглянул за доску к Губареву. Тот поднял глаза от записки и устремил на Алексея вопросительный взгляд. Рукавишников улыбнулся с самым дурашливым видом, после чего прогнал несколько раз воздух через нос, демонстрируя свой профиль Губареву, испросил:

— Слышишь?

— Что? — не понял Губарев.

— Как дышу, тихо?

— Тихо.

— Вот.

— Что «вот»?

— Нос чистый. Ни одной козявки не осталось, все выковырял. Половину съел, половину под стул прилепил — про запас. Теперь делать совсем нечего, завтра — в Навашино. Чем бы до вечера заняться?

— Хм! — Александр Львович почувствовал беспокойство. Член его группы мается без дела — не порядок. Губарев хоть и не обязан загружать его работой — только контролировать выполнение того, чем нагрузил его начальник сектора, и помогать, а все-таки...

— Могу, кэп, с вашими чертежами пока побегать, — продолжил свою линию Рукавишников, указывая на готовые ватманы Львовича.

— Здорово! — обрадовался Губарев. — Только не забудь, что ты сам это предложил. А то скажут, что Губарев в КБ развел дедовщину.

Рукавишников вытянул вперед ладонь с растопыренными пальцами, мол, будьте спокойны, сэр!

Чувствуя себя прохиндеем, Рукавишников пошел в обход с чертежами шефа в том же порядке, что и накануне — со своими, только в этот раз он с самого первого шага думал о том, как придет в отдел электриков, готовил речь для Остроумовой.

Спускаясь к корпусникам, он пока, если и испытывал тревогу, то — так, где-то очень глубоко в душе. В «аквариуме» наверняка все тот же Пустиков, поскольку не было слышно, чтобы его начальник вернулся из больницы. Его Рукавишников не боится.

Когда Алексей прошел в отдел и завернул в «аквариум», его глазам предстала картина, которую он меньше всего рассчитывал увидеть здесь. Напротив Пустикова сидела... та, ради которой он и пустился в беготню с Губаревскими чертежами! Было видно, что Пустяк с ней заигрывает напропалую, сволочь, а она снисходительно улыбается ему.

Отступать было поздно. Пустьяков уставился на Рукавишникова с вопросом, чего, мол, надо?

— Здравствуйте.

— Здрасьте, — ответил Пустьяк.

— Здравствуйте, — ответила и «Шерон Стоун», едва взглянув на Рукавишникова, словно они незнакомы.

— Вот, чертежи принес на подпись.

— Оставьте, пожалуйста, на столе... Извините, я сейчас немного занят.

— Да-да, конечно.

Алексей кивнул, раскатал Губаревские чертежи на столике для согласования и покинул «аквариум», ощущая, что у него вся спина белая. Это особенно хорошо было бы заметно на фоне красной физиономии, будь он не одет.

Чего он там хотел? Кого-то куда-то пригласить? В данный момент ему казалось, что кого-то только что куда-то послали!

Когда Алексей вновь появился за своим столом, да так быстро, Губарев, видя, что он пришел пустой, спросил:

— Где застрял? — не потому, что это были его чертежи, а просто из чувства корпоративной солидарности.

— В самом начале, у Пустикова. Он... м-м-м... занят.

— Ни фига себе! Пустьяк начал буреть?! — возмутился Губарев. Пустиков был с ним одного почти года призыва.

— Да нет, правда, занят, — защитил Алексей Пустикова. Тот ведь извинился даже...

Губарев скрылся за доской, а Алексей сел за стол и пригорюнился. Может, ему уволиться из «Флагмана» к черту? Вот Демид доставит ему контракт и...

Дальше мысли Рукавишникова приобрели довольно туманный вид, плохо передаваемый словами.

Очнулся он от того, что его тихонько похлопали по плечу в трубу свернутыми ватманами. Он обернулся, ожидая увидеть кого-то из знакомых, с кем он на коротке, типа Варского, а увидел... Ольгу! Она улыбалась ему:

— Привет!

Алексей мигом поднялся со стула:

— Привет.

— Я принесла чертежи... Только засомневалась, твои ли это?

— Спасибо. — Он развернул листы. — Да, это моего шефа, Александра Львовича. — Он затылком почувствовал, как голова Губарева тут же возникла из-за доски и мог себе только представить, какими глазами шеф смотрит сейчас на такую посетительницу у него! — Шеф у меня — настоящий тиран, если честно, — стал объяснять Рукавишников. — Загонял меня совсем. Это форменная дедовщина, хуже, чем в армии...

Он услышал, как принялся пыхтеть в свои усы его шеф-тиран — смеялся.

— Нет, это уже наглость! — возопил тот. — Не верьте, сударыня, ни одному его слову!

Алексей улыбнулся:

— Я сам вызвался побегать с чертежами Александра. Спецификацию свою сдал, новой работы не дают, поскольку завтра еду в Навашино, потом — на месяц в Выборг.

— У! — воскликнула Ольга, то ли с сочувствием, то ли с завистью.

— Так что... — Алексей обернулся, убедился, что голова Губарева исчезла, и произнес одними губами, — приглашаю на отходную в кафе!

Она улыбнулась и, кивнув в знак согласия, спросила:

— Там же?

— Там же.

Ольга еще раз кивнула и покинула их сектор, унося свою бесподобную улыбку.

Алексей сделал два шага за ней следом — как бы провожая, в пределах своего рабочего места. Левым ухом почувствовал чей-то горящий взгляд, обернулся и увидел Варского. Тот, правда, смотрел вовсе не на Алексея, а на удаляющуюся Остроумову. Алексея он в этот момент, кажется, не заметил вовсе. Даже не понял, что Ольга приходила к нему (к нему!!!).

Еще, Рукавишников обратил внимание, как кивнул Ольге Татаринцев, когда та проходила мимо его стола. Да, это рядом с Алексеем стояла Ольга Остроумова, а мимо стола начальника сектора проплыла явная Провокация.

Алексей вдруг испытал сильнейшее желания станцевать лезгинку прямо здесь, на пяточке между столом Татаринцева и стоящими напротив столами ведущего конструктора Виктора Андреевича Деревянко и чертежницы Светы Речкиной — энергично взмахивая руками, сначала перед начальником сектора, затем, перед Деревянко и Речкиной. И чтобы они кричали ему: «Асса!»

Речкина скроила такую кислую физиономию, когда Ольга проходила перед ней, так надула губы, что, казалось, сильнее выразить свое «фе» уже невозможно.

К Алексею заглянул Губарев и произнес:

— Однако! — высоко подняв брови.

Рукавишников поднес к виску указательный палец, изображая пистолет, и сымитировал выстрел, показав, как голова отскакивает в сторону.

— Надо слушать основной инстинкт, — назидательно сказал Губарев.

— Самосохранения? — догадался Рукавишников.

— Bravo! — восхитился Александр Львович догадливостью своего подопечного.

Проблема, чем заняться до конца дня, отпала сама собой, после того, как Рукавишникова позвал Татаринцев:

— Алексей Александрович, вы можете пока съездить за билетами до Ленинграда, я выпишу вам увольнительную.

— Хорошо, Дмитрий Альбертович.

Алексей глянул на часы, быстренько собрался и был таков. Оценив время, имеющееся в запасе, он понял, что вполне успеет до встречи с Ольгой у памятника Горькому не только сгонять на вокзал за билетами на поезд до Ленинграда, но и заскочить на автовокзал за билетом на автобус до Навашина. Тогда завтра утром у него точно не будет проблем, кроме одной — не проспать.

Четыре часа он возил по городу с собой свое прекрасное настроение, вспоминая, как Ольга сама принесла ему чертежи, которые он не смог сразу подписать из-за нее, как согласилась на отходную в кафе. Что все это для него означает в перспективе, даже страшно думать! Хотелось жить, жить, жить!

За пятнадцать минут до окончания работы он стоял возле памятника Максиму Горькому и смотрел в сторону своей конторы. Он прождал полчаса, прежде чем к нему подошла... незнакомая женщина. То есть, не то, чтобы совсем незнакомая — она работала в их КБ, в отделе комплектации, кажется, но ждал-то Алексей вовсе не ее.

Незнакомая коллега спросила:

— Вы — Алексей?

— Он щелкнул каблуками:

— Рукавишников Алексей Александрович, конструктор третьей категории, КБ «Флагман», отдел систем.

Дама улыбнулась, но представляться в ответ не стала, словно понимая, что в данном случае не представляет никакого интереса для Алексея.

— Ольга просила извиниться, она не сможет с вами встретиться, у нее появилось срочное дело.

— Вот оно что, — Алексей почувствовал, будто его лицом с размаху шлепнули о гранит постамента. — Ясно, спасибо.

— Не за что. Всего хорошего. — В голосе дамы Рукавишников уловил сочувствие. В общем и целом дама ему понравилась. Потому он решил оставить гонца в живых, хоть тот и принес дурную весть.

Алексей побрел на остановку, ничего не понимая. Какое дело появилось у Ольги, гадать было бесполезно, все равно не отгадает. Но, почему-то на ум лезло что-нибудь связанное с ее бывшим мужем. Кто еще мог ей что-то навязать?

«Да, кто угодно! — ответил сам себе Алексей. — Что ты вообще о ней знаешь?»

Непонятно было, что за даму Ольга прислала вместо себя? С такими поручениями абы кого не посылают. Алексей до сих пор не замечал, чтобы у Провокации были какие-то подруги в конторе. Да и в подруги дама не очень-то годилась, она была старше лет на десять с виду. Загадка.

Но, самое плохое, что Алексей теперь долго не сможет эту загадку разгадать. Завтра он уедет в Навашино, затем — сразу в Выборг, аж на целый месяц. Потом могут еще и продлить... Правда, в ближайшие выходные он будет в городе, но, что толку? Даже если бы у него был телефон Ольги, он все равно не решился бы ее пригласить в выходной куда-нибудь. С какой стати? Одно дело после работы — ну, понравилось коллегам пить кофе и общаться после трудового дня. Другое дело — откровенно звать ее на свидание. Слово-то какое старомодное!

Иной раз кажется, что все в жизни происходит неспроста, думал Алексей. Вот пришла бы Ольга Остроумова, и что тогда? Тогда его не застал бы дома, как уже не застал в этот день в конторе, Демид Рукавишников.

— Леша, срочно приезжай. Я не мог поймать тебя на работе... У тебя полчаса времени, чтобы добраться, иначе опоздаешь. Марк, который сейчас у меня, уедет. У него поезд. Он по твоему делу хочет переговорить.

— Понял, лечу!

Через пять минут Алексей поймал такси и уже мчался к дяде, которого, впрочем, он «дядей» никогда не называл, а почитал скорее за брата. Разница в возрасте у них была десять лет, а если учесть, что Дема всегда находился в отличной форме, то, казалось, что и меньше.

Положа руку на сердце, Алексей должен был признаться, что... влюбился в Провокацию! Зажегся страстью, будто сухой хворост — огнем в безветренную погоду, с одной спички. Все, что он слышал о девушке до первого живого общения с ней, не только не помешало, а, кажется, лишь способствовало. Рекламщик Демид, вероятно, растолковал бы сей эффект в два счета, если бы Алексей попросил дядю объяснить, как его племянника так угораздило?

Чем это грозило — понятно. Теперь Алексей всегда, видя Остроумову, будет ужасно хотеть ей понравиться, будет изо всех сил стараться ей понравиться, то есть станет молоть всякую чушь с претензией на юмор, примется еще тщательнее следить за своим внешним видом — одеваться, как шут гороховый, петушиться (не в том смысле). Должен будет сделать себе какую-нибудь модную стрижку, отчего друзья станут смотреть на него с подозрением, что еще? Ах, да. Он не просто будет начищать свою обувь до кошачьего блеска, он итак это делает, но еще будет постоянно носить с собой обувную щетку, чтобы поддерживать первоначальную чистоту штиблет в течение всего дня. Обувь должна выглядеть так, будто он добирался на работу не в переполненной маршрутке, где по его ногам ходили, как по паркету, а довез его к самому порогу «Флагмана» личный шофер в лимузине.

Словом, он будет ужасно хотеть произвести на нее впечатление, и от этого будет выглядеть форменным идиотом!

Еще, он сопрет ее фотографию с доски почета, и станет тайно носить в своем портмоне, чтобы однажды эта фотография выпала у всех на глазах, и тогда он, схватив ее, убежит в самый дальний угол КБ, быть может — закроется в сортире, создав очередь, и, спрятавшись от всех, станет страдать, не зная, как жить дальше, когда все узнали его тайну!

Глядя в окно автобуса, Алексей едва сдержался, чтобы не напугать соседа своим беспричинным, как тот подумает, хохотом. Портрет придурка, в которого он должен превратиться в ближайшее время, его самого развеселил.

Конечно, фотографию, которую он украдет с доски почета, не следует показывать матери. Мама, как человек искренний, сперва восхитится: «Ой, какая красивая!» — увидев портрет Ольги, но потом примется говорить правильные сова, типа «красивая жена — чужая жена». Его — должна быть скромной, доброй, трудолюбивой как Золушка до замужества за принцем (какой она стала после — история умалчивает). Его — будет готовить по утрам блинчики с творогом, поддерживать в доме всегда порядок и чистоту так, чтобы, если вдруг неожиданно нагрянет незваный гость, Рукавишникову даже в голову не пришла мысль сравнивать того с татаринном, поскольку в ванной комнате гость никогда не увидит завала нестиранного белья, а в раковине на кухне — горы грязной посуды. Алексей всегда будет рад гостю, даже если пожалует не просто похожий, а настоящий татарин, например — начальник отдела электриков Шахрутдинов, хотя это маловероятно.

Парадокс заключался в том, что Рукавишников был согласен с матерью насчет красивой жены до тех пор, пока это касалось других. Когда же это коснулось его, он понял, что сам ничего не боится и готов попытаться счастья, даже если счастье само способно превратить его жизнь в пытку. Потому что правила, действующие для всех, были писаны не для него и Ольги Остроумовой — так он считает.

Он настроен, не боясь соперников, ухаживать за ней (слово-то какое старорежимное, нафталином пахнет). Он, признавая, что утверждение про красивую жену не лишено резона вовсе, хочет, тем не менее, чтобы Ольга была с ним!

Алексей поворочался в кресле, восхищаясь грандиозностью собственных амбиций, в которых он только что отважно себе признался.

«Отбить ее у графа? Хоть бы и отбить... Отбить!»

Автобус катил по Богородской трассе. Дорога была узкая, извилистая, покрытие — далекое от идеального, то и дело потряхивало, покачивало, и это вселяло надежду, что водитель не уснет за рулем, дай бог ему здоровья и долгих лет жизни!

Вот ведь как. Сам-то Алексей хотел задремать, а вместо этого, думая об Остроумовой, взвинтил себя так, словно не в окно глядел, на проплывающие мимо осенние поля и перелески, а в экран телевизора, в ожидании начала хоккейного матча наших с канадцами.

Рукавишников не знал, построен, нет ли, тот город-сад, о котором писал поэт Маяковский, что-то о таком Алексей не слышал. Вот, если уж при Семирамиде когда-то удалось, так удалось. Сколько времени прошло, люди все забыть не могут. Нет, не царя Навуходоносора, который приказал сады возвести, хотя имя запоминающееся. Его вдохновительницу... Ну, а города-заводы в СССР хорошо получались. Пример тому — Навашино со своей судовой верфью.

Рукавишников считал себя в некоторой степени человеком творческим, но производство было не той вещью, от которой зажигалось его воображение, скорее — наоборот. У Алексея, как человека высоких (как же иначе?) устремлений, промышленное предприятие могло то пробуждать манию величия, то формировать комплекс неполноценности, в зависимости от того, с какого расстояния предприятие рассматривать.

Если из иллюминатора взлетающего самолета — коробки заводских корпусов кажутся маленькими, а людишек, в них копошащихся, вообще не рассмотреть. Что за жизнь у них? Серая, скучная, неприметная — жизнь для себя. Тогда как он, вдохновенный мечтатель, может

в своих фантазиях не то, что до облаков — до звезд долететь, и сам тоже когда-нибудь сделаться «звездой», если раньше геморрой не наживет. В геморрое, конечно, ничего возвышенного нет.

Если же с неба опуститься на землю, да побегать среди заводчан со своими чертежами и рулеткой, то очень скоро может показаться, что сам он ростом того, не вышел. Например, в сравнении со сварщиком дядей Васей, который, правда, ему в пупок дышит, зато варит как бог! Шов такой, что никакого технического контроля не требуется. Или — с монтажником дядей Петей. У того каждая деталь, кажется, сама на место прыгает и встает, как надо. И мастерство свое эти люди никогда не пропыют.

Рукавишников до сих пор сомневался, неужели по его чертежам действительно строят кусочек настоящего «парохода»? Он всегда подозревал, что рабочие знают и умеют намного больше того, что заложено в его чертежах. Они вообще могли бы построить этот «пароход» без его чертежей, и смотрят на Алексея со скрытой иронией, как на необходимый балласт. Ну, надо, чтобы был проектировщик, что тут поделаешь, такой порядок.

«Может в будущем главным конструктором стать современный рабочий».

Умником Рукавишников себя начинает ощущать вновь тогда, когда видит уязвимость городов-заводов в новейшей истории, спасибо средствам массовой информации! Беспомощно сидят по своим домам оставшиеся без работы сварщик дядя Вася и наладчик дядя Петя, и сами поделывать ничего не могут.

Если в городе-саде садовники забудут поливать деревья — не велика беда. Ну, не расцветут яблони и груши, когда поплывут туманы над рекой, и что? Голос у Катюши наверняка не пропадет, не такая она девушка... А вот когда градообразующее предприятие теряет заказы — труба. Если заводик не слишком велик, и поселение при нем больше похоже на деревню, еще не так страшно. Можно как-то существовать со своего огорода, скотину завести, а с той, что пьет без просыпу — наоборот, развестись... Если же завод большой и город — ого-го! — то совсем плохо. Что вырастишь на асфальте? Только социальную напряженность.

Навашино все же больше походило на город, каковым, собственно, и являлось по статусу, нежели на деревню. Поэтому, когда после трудных времен, появилась наконец-то работа, на человека, давшего ее, стали смотреть, как на благодетеля. Таким человеком для Навашинской судовой верфи оказался Нижегородский предприниматель Иван Калентьев, разместивший на заводе заказ на постройку нескольких судов-автобусов, посчитав, что те станут востребованными в условиях развивающегося авторынка.

Рукавишников, шагая по Навашину, ощущал себя причастным к истории, будучи теперь знаком с бывшей женой нынешнего любовника супруги предпринимателя Калентьева!

Однако, как и все, он знал, благодаря прессе, о несколько подмоченной репутации сей акулы капитализма — в смысле, предпринимателя, а не его жены. А впрочем — обоих. Вольные отношения, по слухам, у Калентьева были не только с собственной супругой — это бы еще полбеды — но также и с бизнесом, и с законом, за что его пытались прижучить, но пройдоха вышел сухим из воды.

Тем не менее, побаивались заводчане, что вся эта благодать с воссозданием у них рабочих мест — ненадолго. Добьется Калентьев избрания в мэры Нижнего Новгорода, куда так рвется, финансирование быстренько закончится, и все вернется на круги своя!

Возможно, поэтому Алексей чувствовал, навашинцы не спешат радоваться. Напрасно Калентьев, приезжая в город, где висят его портреты, на своем шестисотом мерсе с эскортом охраны, считает его жителей простаками. Все они прекрасно понимают. Стоит только строительству «парохода» приостановиться — хрен кто за него проголосует здесь на выборах! Да и в самом Нижнем задумаются...

Рукавишникова возбуждала его новая подруга (в данном случае — не в том смысле). Если бы она не развелась с мужем, а предпочла не замечать его измену, как, вероятно, поступила бы на ее месте любая другая пламенная карьеристка, то сейчас была бы вхожа в современную

великосветскую тусовку. А, может быть, она и вхожа? Может быть, не зря с ней начальники цехов общаются, как с ровней, — они в курсе?..

Нельзя сказать, чтобы выдвинутая гипотеза Рукавишникова обрадовала. Такая версия заставляет Алексея еще больше усомниться в том, что он может быть чем-то интересен Ольге. Тем более — сможет добиться от нее взаимности, при ее-то возможностях!

Судя по тому, что муж о ней не забывает (Алексей на его месте тоже не смог бы), у нее всегда есть путь назад. Она показала характер, наказала своего суженого. Еще немного выдержит марку да и вернется, простит, и заживут они счастливо. Чего ей одной-то мыкаться? Главное, зачем статус свой терять? Кто она без мужа, даже со своей красотой?..

Чем больше Алексей об этом думал, тем сильнее у него портилось настроение, мизернее казались собственные шансы на успех — надо же быть реалистом! Нет, правда, насколько высоко она может его оценивать в ранге инженера-конструктора, не разменявшего еще и третьей категории?

Прийти и сказать ей, что у него еще кое-что имеется за душой, кроме диплома о высшем техническом образовании, открыться, но, для чего? Он тоже желает поиграть! Полюбите нас черненькими, беленькими нас всякий полюбит... Правда, он пока еще и не беленький — так, серенький. Все вилами на воде написано. Человеку свойственно сомневаться. Алексею Рукавишникову в себе свойственно сомневаться на каждом шагу. Хобби такое...

Самое главное, что он увлекся Ольгой не на шутку. Он уверен, что понимает ее лучше других — он видит ее в движении (так она выразилась про своего Сережку Опарина — он был хорош в движении). Он считает, что видит ее неповторимую индивидуальность лучше, чем кто-либо иной, лучше бывшего мужа, следовательно, как никто другой, может ценить ее! Он уверен, что она не карьеристка, так же, как и он сам не карьерист. Ей чужда жизнь по навязанному шаблону, путь к запрограммированному и ожидаемому успеху. Алексей может сделать карьеру. Знает, что может, только не такую, и не карьеру. Организовать интересную жизнь для нее и для себя. Поймет ли она? Поверит ли?..

То, что она уже вышла однажды замуж за человека много старше себя, зато — с положением, охарактеризует ее однозначно кому-то другому, но не Алексею. Он-то знает, что сей факт может свидетельствовать о разном: как о том, что девушка была настроена любым способом попасть в «высший свет», так и о том, что она — просто натура увлекающаяся. У нее дух захватывало от того, с кем она в союзе — со взрослым мужчиной, у которого коллеги и друзья — ученые. Культурные, интеллигентные, обеспеченные люди. В душе она может оказаться вовсе не карьеристкой, а просто ребенком. Наигралась, разочаровалась, в итоге — развод и девичья фамилия! Потоцкий для нее — как тот же Опарин, только наоборот. Кидание в другую крайность.

«У Ольги, — думал Рукавишников, — еще резче вырисовываются те же две ипостаси. Требуется выявить одну, истинную, или же определить пропорцию, в которой эти ипостаси у нее сочетаются. Карьеристка она, или большой ребенок? Какая чаша перевешивает? Кто она больше — Провокация, или Ольга Остроумова?..»

Конечно, ему хочется, чтобы она была идеалисткой.

Ну, а если окажется, что она, точно зная, чего хочет, искусно притворяется перед ним, то — зачем? Для чего понадобился ей он, Алексей Рукавишников? Об Артеме она, по крайней мере, знала, что тот талантлив и нужен ее мужу. Про таланты Алексея Рукавишникова ей ничего неизвестно, какой ей с него прок? С простого конструктора третьей категории? Ведь никакого же! Но она, почему-то допустила его к себе, еще не зная даже про Артема.

«Странно», — думал Рукавишников, пока шагал от автобусной станции до заводоуправления. Ему так нравится Остроумова, он же для чего-то включает голову, пытаюсь ее раскусить. Да она сама, быть может, не понимает, для чего так ведет себя с ним — просто, легко, в явном диссонансе с тем, как она ведет себя с прочими!

Пусть только по-прежнему допускает его к себе, а он уж постарается ей доказать, что она не прогадает, оставшись с ним. Они всего добьются вместе! Амбиций у Рукавишникова не меньше, чем у ее муженька, и Алексей, в отличие от Потоцкого, пока еще ни чей не бывший...

Очень хотелось побыстрее закончить все дела на заводе и вернуться в Нижний. Алексей ведь может еще весь понедельник до вечера, пока не сядет на ленинградский поезд, провести в конторе, пообщаться с Ольгой, придумать что-нибудь такое, чтобы еще заинтересовать ее. Быть может, все-таки вытащить из конторы прогуляться?

В который уже раз он усмехнулся своим мыслям. Приятно видеть перспективу впереди, тешить себя планами, даже если знаешь в глубине души, что вряд ли хватит духу их осуществить.

Показав секретарше с милым провинциальным выговором свое командировочное удостоверение, Алексей получил направление в общежитие завода и отправился заселяться.

— Номер семь, — сказала комендантша. — Ваших там уже трое, так что ключи — у них. — При этом она как-то загадочно улыбнулась.

Алексей поблагодарил, посмотрел на часы, узнал, что еще только половина пятого. «Почему они, интересно, не на заводе?» — подумал он и двинулся по коридору искать свою комнату.

Едва он открыл дверь и заглянул внутрь помещения, как на ум пришли слова из песни Высоцкого: «На полу валялись шкуры и люди».

В центре комнаты был накрыт, но уже изрядно попользован, стол. Во главе, лицом к двери, восседал Слава Клязьмин, по бокам от него — коллеги из КБ, имен которых Алексей не помнил, но лица знакомые.

Алексей услышал последнюю фразу:

— Да ни хрена не потянет твой насос систему забортной воды на пятисотом...

— А я говорю, потянет!..

У флагманцев была дурацкая привычка, даже выпив, говорить о работе, а иной раз и спорить.

— Лешка! — воскликнул Клязьмин при виде Рукавишникова, светлея лицом. — Вот так сюрприз! — Кажется, он обрадовался.

Оценив состояние коллег, трезвый Алексей понял, что у них он еще запоет, если не взвоет. Во всяком случае — с ними не соскучится!

— Давай, заходи! — Слава — большой, грузный, кудрявый — поднялся из-за стола, чтобы сграбастать Рукавишникова в объятия. Алексей почувствовал, что готов прослезиться от такого приема.

— А мы тут день рождения празднуем, после обеда с завода ушли. Чествуем Петю Зотова! Вы знакомы?

— Нет еще, — вынужден был констатировать Алексей, и протянул руку имениннику.

— Алексей Рукавишников, отдел систем.

— Очччприятно! — воскликнул Зотов, приподнимаясь. — Петр, отдел комплектации. Славкин коллега! — Он радостно хлопнул здоровяка-Клязьмина по плечу, и они тут же принялись обниматься с «коллегой».

Рукавишников скосил глаза под стол и увидел три порожних поллитровки «Русской». Четвертая, початая, стояла на столе.

— Алексей, — протянул Рукавишников второму парню.

— Сергей Малышев, электротехнический отдел, — назвал тот. Он показался Рукавишникову почти трезвым в сравнении с комплектовщиками. Возможно, работа с источниками электропитания дисциплинирует? А может, у Шахрутдинова не забалуешь. Алексей, правда, знал в этом отделе одну особу, которой, как кажется, было позволено все...

— Штрафную вновь прибывшему! — распорядился Клязьмин, и сам же взялся за бутылку.

— Так я же, вроде, не опоздал, — напомнил Рукавишников. — Просто не знал, что такое торжество, а то бы еще вчера приехал.

— Все равно, с тебя тост! — велел Клязьмин.

— Хорошо, — Алексей поднял свой стакан, наполненный наполовину.

— Со знакомством и с днем рождения! — провозгласил он. — Желаю, Петр, больших успехов в строительстве не только кораблей, но и личной жизни. Чтоб первое давало достаточно средств для второго, и чтобы здоровья хватало на все!

— Вот, — одобрил Клязьмин. — Присоединяемся! Личную жизнь тебе, Петька, пора устраивать! — Все чокнулись.

— Только после тебя, дядя Слава! — возразил Петя и опрокинул в себя огненную воду.

— Да, а сам-то чего? — поддержал именинника Сергей Малышев.

— Э-э-э, я — старый холостяк, — заверил Клязьмин. — На меня не равняйтесь.

Алексей, чувствуя, что в груди после выпитой водки разгорается адский огонь, принялся интенсивно закусывать, аппетит проснулся зверский.

— Просто у нас в отделе невест не осталось, — объяснил Петр. — Всех разобрали! — Он развел руками.

— Вы к нам приходите, — предложил добрый Малышев. — У нас хоть отбавляй!

Алексей подумал, что лично он в особом приглашении Малышева не нуждается.

— Да, у них невесты что надо! — подтвердил Петя для Алексея. — Одна Провокация чего стоит!

Рукавишников тут же пожалел о своем тосте, видя, куда он их завел.

— Провокация в вашу сторону даже не посмотрит, она с Шахрутдиновым спит, — безапелляционно заявил электрик, махнув рукой на именинника.

Тут только Алексей понял, что и электрик пьян не меньше остальных, просто сам по себе человек сдержанный, умеющий владеть собой.

— А кто последний свечку подержать? — поинтересовался Рукавишников. — Очень интересно.

— Правильно, — одобрил Слава его слова. — Никто достоверно не знает, с кем она спит, а с кем — нет. Бабские сплетни!

— Дыма без огня не бывает, — уверенно сказал Малышев.

— Бывает, что горит в одном месте, а дым выдувает в другом. Как специалист по вытяжкам говорю, — небрежно обронил Рукавишников.

Но Алексею не удалось замять разговор, ребята только распалились. В следующий час, пока допивали бутылку, он услышал, и о том, как «Шерон Стоун» каталась с Борисоглебским на лыжах в Зеленом городе, когда отмечали новый год, после чего оба скрылись от общества, и как она танцевала с их, кстати, Добродеевым на его дне рождения, и убыла в узком кругу избранных к нему на квартиру — продолжать, когда все прочие разошлись по домам после ресторана... А сколько раз ее видели отъезжающей от КБ с Шахрутдиновым в его машине — не сосчитать!

Алексей молчал, молчал, молчал...

— А ты знаешь, что она в последнее время с вашим Татаринцевым крутит? — спросил Зотов.

— Как?! — тут уж Алексей по-настоящему удивился.

— Вот та-ак, — покривлялся уже очень тепленький Петя и, желая вальяжно опереться локтем о стол, промахнулся мимо стола. Хорошо его поймал под руку Клязьмин, а то именинник рухнул бы на пол. Сам Клязьмин, как ни странно, стал трезветь — Рукавишников и раньше замечал за ним такую особенность.

Петя продолжил:

— Отмечали недавно юбилей вашего Татаринцева в «Нижегородском». Ну, была вся первая категория, естественно... Я туда случайно затесался, помогал в оформлении.. Так вот, Татаринцев вокруг Провокации весь вечер увивался!

— Это правда, — подтвердил Клязьмин. — Я был там. Зажигал ваш начальник сектора.

— Как же ему Добродеев позволил? — удивился Рукавишников. — Такое нарушение субординации!

— Их после еще в «Слоне» видели вместе, — подлил масла в огонь Малышев. — В выходной день, между прочим! — Электрик с победным видом откинулся на спинку стула.

Рукавишникову крыть было нечем. Разве что — матом. Но, это вызвало бы нездоровый интерес у общества, чего это он так защищает звезду «Флагмана»? Уж не влюбился ли часом? А если влюбился, то, быть может, он наивный дурачок?

Если честно, именно им себя Алексей теперь и чувствовал. У него в кармане хоть и был платок, но ведь на чужой роток его не накинешь. Между тем, Рукавишникову очень хотелось сделать из него кляп, чтобы вставить кое-кому. Огромным усилием воли он заставил себя улыбнуться:

— Ну, с Ольгой Остроумовой все ясно. Как насчет других невест?

— Да! — с чувством подхватил Малышев. — Девки у нас!..

По его оживлению Алексей заподозрил кое-что: «А не питаешь ли ты сам, дружок, надежду в отношении Остроумовой? Не потому ли стараешься опорочить ее в глазах иных претендентов?..»

Алексей напрасно волновался, что народ пойдет вразнос. Дядя Слава Клязьмин был старый, опытный боец. «Искусство заключается не в том, чтобы войти в штопор, а в том, чтобы из штопора выйти!» — говорил он.

К семи вечера с огненной водой было покончено, и Клязьмин стал лично кипятить, заваривать для всех чай, подкладывая каждому печенье.

Что касается Рукавишникова, то он и без Славы старался соблюдать технику безопасности. Утром приходиться на завод с перегаром, как у Змея Горыныча, не хотелось.

Когда протрубили отбой, он чувствовал себя так, словно и не пил вовсе.

Сытный завтрак в столовой поутру — и зеленый змей вынужден был признать свое поражение перед богатырями из «Флагмана». О Рукавишникове и говорить нечего.

Алексей старался работать как можно быстрее. Не стал оформлять извещения по всем правилам, отложив это до конторы, ограничился самой простой фиксацией изменений в чертежах.

И все равно он просидел на заводе до ночи, пока не прогнали в общагу. Из коллег в номере уже никого не было. Пятница, вечер — все уехали в Нижний. Им в понедельник обратно возвращаться, так что упираться нет смысла.

В субботу Рукавишников подскочил на кровати с чувством, что проспал все на свете, и уже опаздывает на автобус. Только собрав вещи, понял, что часы его стоят, и на самом деле время не восемь утра, а — нет еще и семи, вполне можно попить чаю.

За кипятивником пришлось лезть в сумку — коллеги свои попрятали, не шарить же по их тумбочкам? Заветный аппаратик оказался, конечно, на самом дне, пришлось вытряхнуть на кровать все содержимое сумки, чтобы добраться до него.

В понедельник истомленный Рукавишников решил подняться к электрикам. Он жаждал снова увидеть Ольгу Остроумову такой, какой она для него являлась, и чтобы исчезло, выветрилось все, что наболтали ему про Провокацию. Вот только под каким предлогом ему сходить наверх?

К счастью, снова выручил Губарев. Он был нынче за Татаринцева, отсутствовавшего по какой-то причине. Просмотрев извещения, оформленные Рукавишниковым, Львович нашел одно из них требующим согласования у электриков — заводчане воздуховод, кажется, слишком близко провели от их шкафа, допустимо ли это?

Алексей ухватился за сомнительное извещение, как за спасательный круг, и поскакал в отдел электриков так, что со столов Деревянко и Речкиной бумажки посудувало — так ему показалось, во всяком случае.

Открыв заветную дверь, он увидел, что стол Остроумовой пуст, причем как-то так, совсем пуст.

И дело не в том, что на столе не лежат очки, снятые второпях, и не видно пепельницы с дымящейся сигаретой. Конечно, Остроумова очков не носила — номер своей маршрутки она разглядела при искусственном освещении на площади Минина с такого расстояния, что сам Алексей различил с трудом, и курить в отделе нельзя было никому, даже Шахрутдинову в «аквариуме» нельзя. Просто все бумаги на столе у Ольги были аккуратно сложены. Ясно, что их никто не касался в этот день.

Алексей оставил свое извещение у «Кальтенбрунера» и решил подойти к соседке Ольги, чтобы спросить про нее.

— Извините, а Остроумовой сегодня не будет?

— Думаю, что уже нет, — глаза соседки загорелись любопытством. — А что?

— Тут извещение по ее части, мне сказали... Я потом зайду, — быстрее добавил он, поворачиваясь к девушке спиной, а то еще предложит кому-нибудь посмотреть извещение за Остроумову!

Конечно, то, что Татаринцева и Ольги нет одновременно — простое совпадение, — успокаивал себя Алексей, ежу понятно. Но, из головы никак не уходило слова пьяного Зотова, что Провокация зажигала с Татаринцевым.

«Провались оно все пропадом!» — думал Рукавишников, покидая КБ. Губарев пожелал ему удачи в Выборге. Какая на хрен удача!

Все, будет заниматься только своими «формами»! Помимо работы, разумеется. А то в последнее время он все забросил — из головы не выходит Остроумова.

Твердо решив так, он вознамерился первым делом в свою командировочную сумку положить творческий блокнот, однако не нашел его нигде. Догадка пришла не сразу: забыл в Навашине! Когда кипятильник искал, вытряхнул барахло на кровать, а блокнот на тумбочку положил. Потом, попив чаю, с кровати все собрал, а тетрадь так и осталась на тумбочке.

Конечно, его караули никто не разберет — он специально коверкает всегда почерк так, что сам потом с трудом разбирает. Но, там две оконченные работы, и еще одна — неоконченная, вот в чем беда! Потерять — катастрофа. Придется кого-то просить привезти.

Все из-за Остроумовой! Шерше ля фам! Эта женщина, словно газ, заполнила все пространство в его голове, точно в воздушном шарике. Про душу вообще говорить нечего. Разве что обложить из души в душу. Не ее, разумеется, а себя!

Когда поезд отъезжал от Московского вокзала, Алексей смотрел в темное окно, встречая новые огни, и под стук колес уходило его напряжение потихоньку. Он думал: вот он оставляет в Нижнем нечто до конца невыясненное, неоконченное, такое, что очень хотелось бы завершить, но не получается. Может, это и хорошо, когда обстоятельства сильнее тебя. Неизвестно, что он натворил бы, останься теперь в Нижнем? А так, остынет, проверятся чувства... Ха-ха-ха! Это у него — чувства, а у нее? Она и думать о нем забудет, тем более, что и не думала вообще! Чего он себе нафантазировал?..

В Ленинграде Алексей взял билет на электричку до Выборга, оставил сумку в камере хранения и надумал погулять по городу, рассудив, что на завод сегодня все равно не идти, а в заводскую гостиницу он вселиться и вечером успеет. Места контора, обычно, бронирует.

Едва он покинул вокзал, на глаза попался экскурсионный киоск, и Алексей взял билет до Петергофа — чего лучше? На вокзал же обратно и привезут.

Петергоф со всеми своими фонтанами и дворцами в него... не пошел, как говорят алкоголики. Все великолепие царской загородной резиденции не смогло перешибить мысль Рукавишникова — понятно, о ком. Безумие какое-то!

Выйдя заранее на платформу, к которой должна была подойти электричка, следующая до Выборга, Алексей вдруг увидел группу дам, как будто бы знакомых. Когда же заметил рядом с ними Гошу Куржумова, сомнения отпали. Вот так встреча! Он приблизился к коллегам и громко их приветствовал:

— Добрый день. Примете в свою компанию?

«Здравствуйте... Здравствуйте... Здравсьте», — с удивлением и интересом воззрились на него дамы.

— О! Лешка! Когда приехал? — удивился Куржумов.

— Утром еще.

— То-то мы тебя не видели. Ты, значит, вечерним поездом из Нижнего уезжал. А мы — ночью. А, сейчас ты откуда?

— В Петергоф ездил.

— У!

— Понравилось? — спросила фигуристая женщина по фамилии Бортник. Алексей знал ее — она в отделе корпусников рядом с Грушиным сидела.

— У нас дача меньше, — признался Алексей.

— Как же я не знал, что ты тоже в Выборг едешь? — недоумевал Куржумов.

— Понятия не имею, — удивился Алексей. — Губарев не проинформировал?

— Да, надо будет ему высказать, — хорохорился Куржумов перед дамами.

— Я с самого понедельника готовился, — заверил его Рукавишников. — Патроны набивал, саблю чистил, точил. Теперь во-о-стра-я!

— Это вы о чем? — хихикнула девушка из отдела комплектации. Рукавишников ее тоже знал — Марина Самыгина из группы Славы Клязьмина.

— Не о том, о чем вы подумали, — сходу ответил он ей.

— А о чем я подумала? Удивилась девушка.

— О другом, — заверил ее Рукавишников, вытаскивая «саблю» из кармана — широкую трехметровую рулетку. Вж-ж-жик! — вытянул он размеченную на деления стальную полосу на полметра. Полоса, образовав прогиб в виде желобка, стояла ровно его руке, не гнулась. Алексей поднял руку вверх так, словно в ней и вправду была сабля.

— Мощно! — оценил Гоша. — Солидный инструмент.

— Сама меряет. Было бы что мерить!

Что такое астролябия, Алексей и после прочтения «Двенадцати стульев» представлял себе смутно, но название понравилось. Он бы этим словом обозначил результат работы не вполне трезвого астронома: «Вот такая вышла астролябия».

— Языкатый, не переболтаешь, — хохотнула девушка, с которой дискутировал Рукавишников, кивнув на него своим подругам разного возраста, но одинаково бодрим: командировка же! То есть, путешествие, приключение, компания, да и плакаться некому, приходится быть в форме.

— Даже моя мама не может меня переговорить, — согласился Алексей.

— «Мамочка» сможет, — сквозь зубы, понизив голос, сказала Марина своей подруге. Алексей, имевший музыкальный слух, однако, услышал.

— Что, простите? — склонился он со своих метр-девятиста к даме.

— Нет, нет, ничего! — Та округлила глаза, прикидываясь валенком, но перед тем стрельнула глазами влево. Алексей посмотрел туда же и увидел, стоящую немного в стороне, высокую девушку в облегающих стройные ноги джинсах, заправленных в короткие сапожки на шпильках, в черной короткой кожаной куртке, на голове — платок, и темные очки в пол-лица. И только в ее едва обозначенной улыбке Алексей почувствовал что-то знакомое. Сердце на секунду замерло, поле чего застучало быстрее! Это была... Ольга!

— Здравствуйте, — кивнул он ей, от неожиданности сам теперь переходя на «вы».

В душе его начал раскручиваться какой-то дикий маятник. Бешеный маятник радости — внезапной, всепоглощающей! Она! Здесь!!!

— Наша электричка, — оповестил всех Гоша, спасая Рукавишникову от гибели. Его могло просто разорвать на части, хотя и говорят, что от радости не умирают.

Вся компания двинулась в открывшиеся двери, последней — Ольга. Она держалась особняком, но Алексей дождался, пока и она войдет, чтобы подняться после нее.

— Привет! — шепнула ему Остроумова, проходя близко, когда кумушки уже скрылись в тамбуре.

— Я не верю своим глазам, — шепнул он ей в ответ, не в силах сдержаться. Кажется, выдал себя с головой. Она еще раз улыбнулась ему.

Он осторожно, на цыпочках, прокрался в тамбур следом за ней.

Вагон оказался полупустой, но Ольга теперь села вместе со всеми. Командированных как раз набралось шесть человек — заняли два сиденья. Ольга сняла свои черные очки, и Рукавишников увидел напротив себя ее прекрасные глаза.

— Я в пятницу что-то тебя не видел, когда к Губареву подходил, — вспомнил Куржумов, глядя на Рукавишникову. — Да, точно! Он же сказал, что ты в Навашине?

— Так и было, — подтвердил Рукавишников. — Представляешь, приехал, взял направление, пришел вселяться, открываю дверь... и вижу накрытую поляну! Дядя Слава Клязьмин в роли тамады... Пети Зотова день варенья отмечают...

— Удачно попал! — позавидовал Куржумов.

— Представляю, — протянула близкая соратница Клязьмина Марина Самыгина.

— С корабля на бал? — тихо спросила Ольга. Рукавишникову хотелось себя ущипнуть, когда он услышал ее голос.

— К кораблю на бал, — уточнил он.

— Ну, мы, надеюсь, отметим приезд? — кинул клич Гоша Куржумов. — Хотя бы в пятницу?

— Ага. Если Миляничев палки в колеса не вставит, — засомневалась Самыгина.

Миляничев являлся главным конструктором Выборгского проекта.

— Мы, вроде, взрослые уже, — заметил Гоша.

— Миляничев сейчас там? — спросил Рукавишников.

— Да он в Выборге живет вообще! — ответила за Куржумова фигуристая Бортник.

— Я вроде бы его на прошлой неделе видел в конторе? — усомнился Рукавишников.

— На прошлой не мог, — возразил Куржумов. — На позапрошлой — да.

— А, говоришь, живет...

— Живет. В Нижний лишь навевается.

— С ним, кстати, сейчас ваша Вера Тихая живет, — вспомнила вдруг Ира Бурлакина, коллега Бортник. — Так что — тс-с-с! — Она приложила палец к губам.

— Тихая уже пять лет ни с кем не живет, — возразила Бортник.

— Я не в том смысле.

Алексею лень было думать сейчас про Веру Тихую. Он, вроде бы, действительно не видел ее в эти дни в отделе. Впрочем, всю последнюю неделю он вообще не видел никого, кроме девушки, сидевшей теперь напротив. Ее он видел постоянно. Правда, по большей части — в мечтах, и лишь иногда — наяву. И вот теперь в душе у него все трепетало от того, что она здесь, рядом, и что-то из этого обязательно выйдет! Просто так это не кончится...

Кумушки не умолкали всю дорогу до Выборга, смело высказывая вслух свое мнение по любому поводу: про Ленинград, про Выборг, про главного конструктора проекта Миляничева, про обивку сидений вагона электропоезда, в котором ехали, про моду — при виде людей на платформе за окном... Делали это они с таким видом, мол, они, коллектив — сами законодатели мод, им рот никто не заткнет! Если некоторые там, в отделах, ходят королевами, то тут, в «поле», с них пылинки сдувать некому!

Ольга, сидевшая на краю скамьи, смотрела в окно другого ряда спокойно, даже, пожалуй, отрешенно, и ухом не вела на бравурные тирады кумушек.

Алексей все время ее видел, точнее — чувствовал, даже если не смотрел на нее. Кажется, повторилось время его первой влюбленности, когда он в школе не выпускал из поля зрения одну свою одноклассницу, где бы та ни находилась — у доски, или за партой позади него. Словно третий глаз на затылке открылся... Только сейчас все было куда острее, и за плечами имелся некий жизненный опыт, позволяющий понимать себя и честно себе во всем признаваться.

Гоша Куржумов активно участвовал в беседе кумушек, однако, если увлекшись, он начинал крутить головой и натывался взглядом на профиль Ольги, то будто вздрагивал, и на некоторое время умолкал, пока кому-то из кумушек его вновь не удавалось разговорить.

Сам Алексей старался помалкивать. Он помнил, что по «закону жанра» обязан болтать ерунду, однако, не хотелось.

Впрочем, несколько раз он втягивался в разговор кумушек с одной лишь целью — найти общую тему, чтобы вовлечь в беседу Ольгу, помирить ее с коллегами, с которыми она, впрочем, никогда не ссорилась. Однако Ольга, по-простому отвечая ему, если он с ней заговаривал, этим и ограничивалась, в общий разговор не вовлекалась. А дамы, верные себе, к ней непосредственно не обращались. Так что, без участия Рукавишникова, их разговор никак склеиться не мог. Гоша Куржумов был ему не помощник, Алексей это видел. Тот просто боялся Остроумову, как подросток — взрослую девушку.

Так они и доехали до Выборга. Ольга как держалась особняком, так и продолжала держаться, а кумушки, кажется, еще больше преисполнились важности, что они тут — центровые, и будут устанавливать свои порядки!

В холле гостиницы к компании командированных вышла хорошо всем знакомая дама — Вера Тихая, будто специально их поджидала.

Алексею стало любопытно.

Веру Тихую, конечно, нельзя было сравнивать с великолепной Остроумовой, но она также являлась персоной нон грата в коллективе КБ, однако вела себя совсем по-другому, нежели Ольга. Едва завидев коллег, первая подошла поздороваться. Ее ничуть не смущало, что отвечают ей сквозь зубы, и никто не горит желанием с ней общаться. Отвязаться от Веры было не так просто.

Алексей Тихой не боялся, и охотно разговаривал с ней, когда та обращалась к нему, хотя насчет нее был предупрежден Губаревым еще на первой пьянке.

Тихая, которую на самом деле звали Верой Степановной Тиханковой, прославилась лет пять тому назад, когда у нее, замужней женщины, матери двоих детей, случился в Красноярске бурный роман.

Ну, случился и случился, с кем не бывает?

В Красноярск она летала в командировки, как и все, пока суда не пошли серийно и необходимость в «вылизывании» рабочих чертежей не отпала.

Через какое-то время в бухгалтерии КБ «Флагман» обратили внимание на то, что в отделе систем значительно выросли суммы в квитанциях, приходящих за междугородние переговоры. Причем, с Красноярском общались больше, чем со всеми прочими городами, с которыми имелись деловые связи. Словно в городе на Енисее строился единовременно не один пароход, а целая флотилия!

Главный инженер Болтанов (подпольная кличка — Болт) вызвал Добродеева, тот довел до Татаринцева.

Татаринцев спросил у коллег, которые все еще курировали красноярский проект, кто у них ведет активные переговоры, однако ни один не признался, в том числе и Тихая.

А, зря! Ей бы покаяться сразу — Татаринцев мужик с пониманием, мудрый, он все разрулил бы как-нибудь, прикрыл потерявшую осторожность «Джультту» на четвертом десятке.

Вера затаилась, но ненадолго. После второго сигнала из бухгалтерии Татаринцев собрал ведущих конструкторов и попросил разобраться.

Губарев, отнюдь не обделенный чувством юмора, решил поймать «шпиона». Предварительно выпив в «Сером слоне», да еще и с собой прихватив, они с Куржумовым и Клязьминым устроили засаду в «аквариуме» Добродеева, с его ведома. Сделав вид, что отправляются домой, прокрались незаметно в темный «аквариум» после ухода начальника отдела и затаились там.

Вера Тихая, которая, казалось бы, покинула вместе со всеми отдел, где-то пересидела и, вернувшись обратно, принялась названивать своему иногороднему кавалеру. Губарев и компания подслушивали воркование голубков по параллельному телефону и потешались, как дети. В общем, поймали они Тихую с поличным.

Когда озорники утомились сидеть в потемках и вышли из «аквариума» со словами «Та-а-ак!» — Тиханкова жутко побледнела и чуть не грохнулась в обморок. Затем с криками: «Сволочи! Мерзавцы! Ненавижу!!!» — убежала из отдела.

Если бы Губарев не был, как обычно, когда он навеселе, столь активен, все опять же могло обойтись. Но он фонтанировал энергией и немедленно позвонил Добродееву, отчитался об успешно проведенной операции. Растратчица поймана!

Утром Губарев пожалел, что сдал коллегу, но, было поздно, колесо завертелось.

Тиханкову вызвали на общее собрание коллектива отдела. Председательствовал парторг Деревянко. Почему-то он сделал акцент не на растрате казенных денег, а на аморальном поведении. Поскольку Тиханкова, конечно, была далеко не единственной, кто заводил шуры-муры на стороне, то у нее, естественно, возник законный вопрос: а судьи кто?

Губарев себе места не находил. Он вовсе не думал, что из их игры в контрразведчиков по пьяной лавочке, раздуют столь громкое дело!

Дальше вышло еще хуже. Какой-то доброжелатель донес до сведения мужа обвиняемой, за что его жену разбирали на собрании коллектива. Супруг у Тиханковой был жутко ревнивый. Собственно, из страха, что все откроется, она звонила с работы, а не из дома, в большей степени, нежели из желания сэкономить семейный бюджет.

Муж не простил, подал на развод, в итоге — раздел имущества, размен квартиры и так далее. Одного ребенка отсудили мужу, другой остался с Верой — жуть!

Для чего Вера Тиханкова после завершения драмы продолжила работать в конторе, а не уволилась тут же, предварительно заминировав свой отдел систем, понятно стало не сразу...

Если бы она на этом остановилась, то, вероятно, навсегда приобрела бы ареол мученицы и сочувствие всех коллег, не имевших непосредственного отношения к ее травле. Но, Вера решила мстить!

Тиханкова преобразилась. Навсегда отказавшись от макияжа, стала выглядеть лет на десять старше — дескать, смотрите, вы убили во мне женщину! Она принялась подслушивать,

подглядывать за всеми, и любой, замеченный ею, бытовой или производственный «криминал» доводить до сведения «заинтересованных» лиц — обманутых жен, рогатых мужей, начальников, которым подчиненные втирают очки...

Вечную «доброжелательницу» возненавидели, ее стали бояться. Предъявить-то доносчице было нечего, ведь у них каждый волен высказываться, о чем считает нужным... Скольким людям она осложнила жизнь — не сосчитать! Сколько раз на нее, срываясь, орали после отмечания праздников возлиявшие коллеги, грозились устроить ей темную! Вера выслушивала все нападки и обвинения с видом полнейшего непонимания, за что на нее сердятся, что она такого сказала?..

Кажется, месть коллегам стала смыслом ее жизни.

Скверно, что некоторым начальникам поведение Тиханковой было на руку. Оно повышало дисциплину и ответственность в коллективе.

Узнав историю этой женщины, Алексей Рукавишников склонен бы был признать право Веры Тихой — прозвище она получила после своей истории — на месть людям, в общем-то искалечившим ей жизнь, если бы не неприятные манеры той особы, в адвокаты к которой он готов был записаться. Эта ее тихая, вкрадчивая речь, змеиная улыбочка... Вечно ненакрашенная, будто совсем махнувшая на себя рукой....

Губарев, выпив, не раз пытался вымолить у Тихой прощение, но та делала удивленный вид, мол, за что? Ничего особенного он ей не сделал, она ни на кого не обижается. То есть, не прощала.

Избавиться от Тихой не было никакой возможности — свою работу она выполняла безукоризненно, ясно понимая, что спуску ей не будет, если что. Не опаздывала, не прогуливала, не выпивала даже на общих застольях, хотя ни одного не пропускала, ну, а если что-то подмечала...

Коллеги, зная, что среди них присутствует вечный соглядатай, старались при ней ничего лишнего не говорить, не делать, но разве можно всегда ходить по струночке?

Кое-кому порой очень хотелось оскорбить, даже ударить змею, но как можно? Всякий понимал, что она тут же напишет заявление в милицию, дай лишь повод. Поэтому, никто с ней старался не связываться.

Сила ее была еще в том, что в разных отделах у нее нашлись единомышленники, принявшие ее сторону. Этих она исключила из списка объектов своей подрывной деятельности. Через них она еще и доводила иной раз свою разрушительную информацию до кого хотела.

Как ни старались коллеги, зная Тихую, сдерживаться при ней, не давать повода, она все-таки находила предлог насолить то одному, то другому.

— Как доехали, хорошо? — елеиным голоском спросила она Бортник, раздававшую всем бланки для заполнения паспортных данных, полученных ею на всю группу.

— Хорошо, Вера Степановна, — в тон ей ответила Бортник. — Никто не напился, не подрался, не установил в дороге случайную половую связь.

— Ну, зачем вы так говорите со мной? Вы хотите меня обидеть, да?

Бортник прикусила язык, будучи уверенной, что Тихая теперь при первой же возможности настучит на нее Клязьмину, и тот примется нудеть: «Аня, ну зачем ты опять с ней связалась? Она же теперь достанет своими жалобами...» И так далее.

Оформившись у дежурного администратора, командированные стали расходиться по номерам. Алексей, у которого ушки были на макушке, отметил, что Бортник, Самыгина и Бурлакина устроились в трехместный номер вместе, а Остроумову поселили отдельно в двухместном, одну пока.

Рукавишников и Куржумов попали в комнату к Миляничеву. Ближе к кухне (то есть, к ресторану и бару) заселиться не удалось, а от начальства подальше.

Поднявшись в номер, Рукавишников с Куржумовым предстали перед главным конструктором проекта. В шестом отделе главного конструктора (ГК-6), который Игорь Борисович Миляничев возглавлял, у него имелось два зама, курировавших иные проекты, тогда как себе Миляничев взял самый крупный, ну и, естественно, самый престижный.

Все же Выборг, расположенный недалеко от северной столицы, — это цивилизация, Европа, не то что Сосновка какая-нибудь, где две трети жителей не говорят по-русски, как показалось Рукавишникову, когда он был там, да и на своем языке изъясняются невнятно. Алексей, правда, татарского не знал, но ему так показалось, ибо не раз доводилось видеть на улицах Сосновки, как один человек, побеседовав о чем-то с другим, оставлял того с выражением на лице типа: «Моя твоя не понимай». Хотя, быть может, такое выражение появлялось на физиономии индивида от того, что товарищ ему в чем-то отказал, поскольку такие сцены Рукавишников чаще всего наблюдал возле магазина.

А так, Сосновка Алексею очень понравилась, прежде всего — аккуратными, из свежеструганных досок, белыми заборами, на которых ничего не было написано. Скорее всего, в этом не было никакой надобности, поскольку итак очень хорошо просматривалось, что за заборами лежат дрова, собранные в добротные поленицы, очень радовавшие глаз, особенно в такое время, когда при разговоре на свежем воздухе изо рта уже идет пар, а из печных труб тянет дымком! На ум невольно приходят мысли о рюмочке огненной водицы, соленом огурчике и жаркой баньке!..

Впрочем, ради справедливости надо сказать, что Сосновский проект Миляничев тоже вел сам.

Поздоровавшись со вновь прибывшими, начальник сразу ухватился за Куржумова, опытного конструктора, истершего шкалу не одной рулетки, ползая по строящимся «парходам».

— Кто приехал? — спросил первым делом глава «ГК-6».

Ему важно было знать, с кем предстоит работать.

— От корпусников — Бортник и Бурлакина, — стал перечислять Куржумов. — Из отдела комплектации — Самыгина. Алексей вот — системщик.

— Хорошо, а электрики?

— Эта... как уж ее... Остроумова!

— Остроумова? Она-то зачем пожаловала? — Алексею показалось, что Миляничев говорил сейчас вовсе не о специалисте электротехнического отдела.

— Как зачем? — не понял Куржумов. — От электриков!

— Да, у электриков работы много... Ну, баба она грамотная... — как будто спохватился Миляничев.

После такого одобрения квалификации Остроумовой Алексею еще более стал непонятен вопрос: «Зачем она приехала?» Тем паче, что он никогда не слышал, чтобы рядовые конструкторы, в отличие от их начальства, сами напрашивались в командировки, выбирали, куда им ехать, а куда — нет.

— У электриков дел до хрена и больше, — посетовал глава «ГК-6». — Как с рабочего помещения пошла перестановка оборудования, так путаница и тянется. С их кабелями вообще черт ногу сломит!

«Бедная Ольга, — подумал Алексей. — У нее от кобелей отбоя нет, а тут еще кабели...»

С одной стороны, ему забавно было слушать Миляничева, который, будучи в майке, тренировочных штанах и пестрых тапочках, сразу углубился в производственные проблемы. Его и собственный домашний наряд не мог перестроить на «мирный» лад.

С другой стороны, Рукавишников остро чувствовал себя чайником, не способным поддерживать в полной мере разговор.

Видя, что Миляничев с Куржумовым увлеклись ученой беседой, Алексей, стараясь не делать резких движений, чтобы не привлекать к себе внимание, принялся собираться, с намерением тихой сапой покинуть номер.

Как ни странно, он, будучи столь сильно взволнован в предыдущие дни Ольгой Остроумовой, теперь совсем успокоился, заполучив ее — в виде подарка судьбы, очевидно, — себе под бок, можно сказать. Теперь она никуда не денется, и у Алексея в запасе целый месяц, чтобы насладиться близостью (в самом невинном смысле) красивой девушки и постараться отвоевать у нее для себя немного внимания.

Он решил вернуться к своим баранам — к своим «формам».

В новой местности Алексей всегда старался провести рекогносцировку, чтобы организовать распорядок утра и вечера в привычном для себя ключе. О том, чтобы Рукавишникову не заскучать днем, позаботится Миляничев. Требовалось, во-первых, найти ближайший спорт-городок, куда можно будет бегать, заниматься физкультурой, во-вторых, отыскать доступную кафешку, или столовую, как альтернативу заводской (на всякий пожарный), в-третьих, определить, где тут поблизости есть магазин, чтобы брать с собой в номер нехитрую снедь на тот случай, если какой-нибудь ретивый сосед, например, Гоша Куржумов, выхватит в самый неожиданный момент ловким движением из сумки бутылку водки — опля! — и предложит хлопнуть по маленькой, чтобы завтра солнце быстрее взошло, по выражению Михаила Жванецкого.

Занюхивать рукавом, «закусывать» сигаретой Алексей не любил. Между тем, такие случаи уже не раз бывали.

А если не выпить, так это известно, что означает — он не хочет поддержать компанию, или того хуже — не уважает людей, с которыми ему еще не один «пароход» вместе строить — так, во всяком случае, эти люди считают.

Обретая собственное «я», которое до сих пор только и делало, что подстерегало Остроумову, Алексей решил, как всегда, не афишируя, прогуляться по ночному городу. Быть может, где-то постоять, или посидеть, подышать воздухом, создать небольшой задел до того момента, когда он в спокойной обстановке, то есть, без свидетелей, сможет добраться до своего блокнота (придется купить новый — старый остался в Навашине) и все записать — свои мысли, наблюдения, идеи.

В номере, рядом с двумя махровыми технарями, подумать о своем, создать в душе хорошую погоду, конечно, было невозможно. Тем более — что-то записать.

Куржумов просек, что Рукавишников собирается улизнуть, только когда Алексей совсем оделся. Вот так тихо, точно змей, Рукавишников сумел собраться.

— Извините, Игорь Борисович, — прервал Куржумов шестого «гэка», в захлеб вешавшего про перестановки в рабочем помещении строящегося огромного корабля обеспечения. — Ты, надеюсь, за бутылкой? — спросил он без обиняков Рукавишникова. — Вы не против, Игорь Борисович?

— А! — дошло, наконец, до шефа, что ребята хотят отметить приезд, как положено. — У меня есть, вот. — И с той самой ловкостью, о которой минуту назад думал Алексей, «гэка» извлек из портфеля бутылку «Столичной». Что значит, опытный человек!

— Тогда, я за закуской, — тут же нашелся Рукавишников.

Он понял, что медитация на свежем воздухе отменяется. Остается лишь возможность провести разведку.

— Денег возьми, — предложил Миляничев.

— У меня есть, — заверил Рукавишников.

Он не мог признаться Миляничеву, сколько заработал за последние полгода — того бы, пожалуй, кондрашка хватила. Как не мог высказать вслух мечту о том, насколько хотелось бы ему с Куржумовым лучше самих отправить погулять, чтобы одному остаться в номере и спокойно поработать!

В такие минуты Алексей думал, а может действительно бросить на фиг это «блатное» КБ и заняться исключительно своими «формами»?..

Но, он быстро взял себя в руки. У него имелось железное правило: творчество всегда откладывается, если есть возможность... реально пожить, то есть узнать что-то новое. Искусство — это ведь только отображение жизни, а не сама жизнь, оно не должно ее подменять.

Сегодня ему подали на блюде нового человека — шестого «гэка» — Миляничева, с которым вместе он еще ни разу не выпивал. Потому-то медитация и откладывается.

В Выборге Алексей уже бывал однажды, на более ранней стадии строительства судна, поэтому с нуля разведывать окрестности не требовалось. Надо было лишь убедиться, что за время его отсутствия в районе гостиницы ничего не поменялось. Например, не выкопали канаву поперек спортгородка, дабы проложить какую-нибудь коммуникацию. А то, у них ведь как бывает: выкопают махом, а вот, чтобы закопать... Для детей, которые растут быстро, но при этом полностью проживают все свои дни, а не тянут их от аванса до получки, как их родители, эта канава успеваешь запечатлеться в памяти вехой в истории. «А Васька ногу когда сломал?» — «Давно, еще до канавы...»

«Как у нас врачи работают, интересно? — думал в связи с этим Рукавишников. — В частности — хирурги? По идее, те тоже вот так могут распахать тебе брюхо, чтобы добраться до воспаленного аппендикса, и бросить. Врачи, они ведь из того же теста сделаны, что и коммунальщики, только спирта пьют больше...»

Обследовав спортгородок, Алексей, слава богу, никаких ям не обнаружил. Длинный сквер, в котором он бегал трусцой в прошлый приезд, также был в целости и сохранности.

Зайдя в гастроном, Рукавишников купил, что удалось найти, на закуску, и потопал в гостиницу, с сожалением покидая свежий воздух, истинными ценителями которого являются лишь пенсионеры.

Разговор с Миляничевым ничего интересного не дал, кроме наблюдения за самим Миляничевым, которое, в свою очередь, тоже ничего нового не принесло. Тряхни любого взрослого мужика, и из него посыплется откровения о ведущих свою игру у него под носом хитрецах и плутах, которым его не провести. Например, кое-кого из руководства завода можно было бы сюда отнести.

Толкни мужика посильнее, выяснится, что он прекрасно осведомлен и о том, что на самом деле, а не по газетам, творится у них в области. А, если побольше с ним выпить, то он и насчет политики тебе все разложит. Причем не только нашей — международной!

Алексей просто диву давался, с каким большим количеством проницательных людей ему уже довелось пить водку в своей жизни...

Задавать вопросы — это примитивно, и настораживает собеседника. Не его метод. Гораздо эффективнее предоставить собеседнику право болтать, что хочет, терпеливо слушая и периодически поддакивая. Тогда тот сам выложит все, что у него на душе. У кого чего болит, тот о том и говорит.

В течение вечера Алексей, выпивая и закусывая, узнал, что Миляничеву нужны деньги — дочери на жилье, что жена у него прихварывает. Поговорили про живущих под одной крышей кошек с собаками и про людей, которые живут хуже.

Вспомнив навашинский проект, обсудили наши автомобили — какой с какого зарубежного передрали. Вернулись к теме работы уже не так рьяно, как в начале вечера и быстро оставили ее.

Алексей так и не дождался своего, какого-нибудь яркого, сочного анекдота, интриги, вопиющего случая. Ничего, равного по масштабу слышанного им на посиделках у Губарева — портрету Провокации, истории Веры Тихой...

Алексей был заядлым рыболовом в детстве, поэтому он знал, что рыбалка может быть и такой. Сидишь-сидишь, ждешь-ждешь, но так ни разу и не клюнет. Надо уметь пережить, не

делать скоропалительных выводов, что, мол, пора бросать такую рыбалку. В другой раз пове- зет!

От выпитого проснулось боевое настроение, захотелось сходить в гости к Остроумовой, однако он понимал, что делать этого не следует. Во-первых, в день приезда все хотят устро- иться, отдохнуть с дороги — каждый на свой манер. Все настраиваются на завтрашнюю работу, а не на отдых. За этим в конце недели, пожалуйста... К тому же он выпил, и идти к Ольге было просто неудобно.

Но, сама мысль, что она здесь, недалеко, на одном с ним этаже, грела. Главное — что они завтра неизбежно встретятся на заводе!

Уважив компанию, Алексей перешел на чай по методике Славы Клязьмина и пораньше лег спать. Он засыпал, а Куржумов с Миляничевым все бубнили. Они снова перешли на тему работы, но тут же вспомнили, что завтра рано вставать. Да и водка кончилась. Пора на боко- вую...

Утром Алексей проснулся, во сколько хотел, как Штирлиц. Только разведчик это делал с первого раза, а Алексей трижды подносил руку с часами к глазам, затем снова засыпал, прежде чем увидел, что пора подниматься. Надев приготовленную с вечера спортивную форму, он выкатился из сонной гостиницы в такой же, сонный еще, город.

За ночь канаву, к счастью, таки и не вырыли, ни в спортгородке, ни в сквере, и он с удовольствием бежал по темной асфальтовой дорожке, разделяющей красно-желто-зеленый ковер из опавших листьев на две части.

Ему нравилось заниматься физкультурой. Он давно забыл, как когда-то преодолевал свою лень, выполняя неприятные, тяжелые — тогда — упражнения на турнике, на брусьях после разогревающей пробежки.

Сейчас, едва он повисал на перекладине, или вскакивал на брусья, мышцы сразу вклю- чались, выражая готовность долго работать, а не вымучить одно-два движения, больше похо- жих на конвульсии. Он давно не считал, сколько раз подтягивается, отжимается — делал это столько, сколько хотелось. Физкультура — это значит, жизнь имеет перспективу! Вот чем отли- чается кайф от гимнастики от кайфа от сигареты! С каждым занятием Алексей Рукавишников становится сильнее, резче, круче! И, если когда-нибудь встретит своего врага детства Витьку Крюка из соседнего двора, то обязательно набьет ему морду. Лишь бы только тот ему попался!

Алексей в это, первое, утро в Выборге, поднялся рано специально, чтобы отработать ритм гимнастики, все успеть: и пробежаться, и выполнить силовые упражнения, и принять душ, и упасть после душа на кровать, ощутить на пятнадцать минут себя новорожденным (это самый кайф!).

Когда он взбежал к себе на этаж, на него от конторки дежурной по этажу посмотрели сама дежурная и... Ольга Остроумова.

— Доброе утро! — выпалил спортсмен-Рукавишников.

— Доброе утро. — Ольга серьезно, оценивая, оглядела его с ног до головы. Алексей пожалел о том, что не погладил шнурки на кроссовках. — Леша, ты что, физкультурой зани- мался?

— Да бог с тобой, Оля, — в тон ей ответил он. — Какая физкультура? Меня гонцом за бутылкой послали, а магазин закрыт. Не знаю, как теперь и на глаза коллегам явиться с пустыми руками. Что им сказать?

— Надо сказать им, что пить по утрам вредно. К тому же, в гостинице распивать спиртные напитки вообще запрещено. — Вмешалась в разговор дежурная, дама средних лет.

— Что вы такое говорите? — удивился Алексей. — Дело даже не в том, что это у нас с вами — утро, а у кого-то, быть может, еще только вечер заканчивается... Распивать спиртные напитки — это первое, что приходит на ум человеку, заселившемуся в гостиницу!

— Это вы так считаете? — спросила хозяйка таким тоном, словно в ее ведении находился не один лишь третий этаж этой самой гостиницы, а, как минимум — медная гора.

— Это мое жизненное наблюдение, — ответил Алексей. — Сам же я с вами согласен, что пить вредно, причем не только по утрам, но и — вообще, если в напитке содержится алкоголь. Поэтому, занимаюсь спортом. Насчет бутылки я пошутил, извините.

— Это идея! — сделала вывод Ольга, прослушав всю его галиматью. — Я тоже хочу! Возьмешь меня с собой на пробежку? А то, тут нет ни велотренажера, ни бассейна.

— Купаться можно в Выборгском заливе, — обнаружила вдруг кастелянша чувство юмора, недюжинное для человека, живущего при таком климате. Рукавишников полагал, что все люди здесь хоть и воспитанные, но такие же холодные, как камни на берегу, да и сама вода в Выборгском заливе.

— Я столько не выпью, — сказал он и посмотрел на Ольгу.

— А я вообще не пью, — заявила она. — Разве что один глоточек для протокола.

Рукавишников заинтересованно глянул на нее.

— Моя коллега не милицейский протокол имеет в виду, — на всякий случай пояснил он дежурной.

— Да, я протокол приема имела в виду, — подтвердила Ольга.

— Сколько на приеме допускается принять, столько мы и принимаем, — снова пояснил Рукавишников. — Так что, не пойдем на залив. Пойдем бегать.

— Да, — согласилась Ольга и, принимая из рук кастелянши утюг, за которым она, собственно и пришла, сказала:

— Спасибо.

— Спасибо, — поблагодарил и Рукавишников работницу гостиницы, неизвестно за что.

— На работу пойдешь? — спросил он Ольгу, когда они пошли с ней вместе по коридору.

— А как же? — удивилась та.

— Всяко бывает, — заметил Рукавишников. — Значит, увидимся.

— Увидимся, — согласилась Ольга.

Настроение молодого человека, сразу взлетевшее высоко от этой утренней встречи, стало потихоньку опускаться, пока он стоял под душем. Не потому, что вода шла холодная. Воду он как раз пустил почти горячую. Просто он подумал, в том, что Ольга рада ему, ничего удивительного нет. Он здесь ее единственный друг, за кого ей еще держаться? Не за главного конструктора же! Тот сам собирается на нее опереться в раскручивании этих, черт бы их побрал, кабелей!

Ольга еще не знала, что ждет ее, принимая от Миляничева новую рабочую одежду. Алексей увидел плохо скрытое ехидство в глазах Бортник: как же! «Звезда» станет теперь как все! Чем выпендриваться?

Рукавишников, хоть и не был никогда фарцовщиком, и то видел, наряды Остроумовой стоят на порядок дороже, чем у кумушек. Но, рано они злорадствовали!

Остроумова даже без каблуков, обув кроссовки, была их всех выше ростом. Даже не приталенная спецовка и ровного покроя брюки не могли скрыть ее фигуры. Привлекательные формы обозначалась при каждом движении, наклоне, повороте. К тому же Ольга надела на голову припасенную бейсболку, выпустив сзади над ремешком белый хвост своих волос. За малиновый цвет бейсболки девушку за глаза окрестили «Красной шапочкой». Кумушки к ней были неравнодушны.

Взяв свои чертежи, Ольга отправилась в рабочее помещение.

На обед в столовую она не пришла, Рукавишников напрасно ждал. Фигуру бережет?

Когда он собрался уходить, поднялся на всякий случай на верхнюю палубу, чтобы заглянуть в гигантский колодец рабочего помещения. И точно, увидел на дне красную шапочку.

Алексей понял, что девушку надо выручать, она, небось, потеряла счет времени. Он спустился к ней.

— Солнце село, — сообщил. — Пора покидать плантацию!

— Это ужас! — округлила Ольга свои прекрасные глаза. — Тут не то что править — все установочные чертежи придется целиком переделывать! Я еще и одной линии не прошла до конца...

— Чем я могу помочь?

— У тебя, наверное, своей работы хватает?

— Вовсе нет, — заверил ее Алексей. — К тому же здесь еще есть Тиханкова из нашего отдела... Я слышал, что по рабочему помещению много изменений. По жилым-то все как обычно.

— Тогда, если у тебя была бы возможность, ты бы мне называл марки кабелей и расстояния, я объяснила бы, где смотреть. А я бы правила в синьках.

— Заметано. Завтра займемся, — пообещал Рукавишников. — А сейчас пора домой.

— Да, пора, — согласилась Ольга, сворачивая свою «простыню» (чертеж).

Они поднялись из рабочего помещения наверх и покинули строящийся объект.

— Ты сегодня без обеда? — спросил Рукавишников.

— Меня напугала полная неразбериха. Я даже засомневалась, по нашим ли чертежам тут все сделано? К Миляничеву подошла, он рассказал историю, как заказчик выдвинул новое пожелание, от которого невозможно отказаться. Пришлось разбираться... А как ты узнал, что я без обеда?

— Я за тобой слежу, — признался Рукавишников.

— Серьезно? Зачем?

— Помнишь, при нашем знакомстве, я сказал, что не из первого отдела?

— Помню.

— Я соврал. Я там подрабатываю на полставки...

— Надеюсь, нашей ставки, а не вероятного противника? — Хоть у Ольги на спецовке имелись большие карманы, за словом она в них не лезла.

— Это вы на «Кальтенбрунера» работаете, а мы — на Добродеева.

— Почему на «Кальтенбрунера»? — не поняла Ольга.

— А ты не замечала? Ваш Шахрутдинов на того артиста похож, который Кальтенбрунера в «Мгновеньях» играет. Кажется, он немец. Я имею в виду — артист. Кальтенбрунер — само собой, истинный ариец.

— Я не помню его, но теперь, когда фильм повторят, обязательно обращу внимание.

Так, болтая, о чем придется, они вышли за пределы завода.

— Ну что, в кафе? — предложил Рукавишников. — А то на завтрашние кабели у тебя может сил не хватить. Нам еще физкультурой заниматься, если ты не передумала... К тому же, это как бы уже традиция.

Алексей хотел было добавить: «Правда, в прошлый раз она была нарушена...» — но не стал. Молчание золото. Шпильки пусть механики вставляют, он же — системщик. Поэтому подход должен быть соответствующим.

Ольга, голодная, как зверь — по ее собственному выражению — отказываться не стала, и вскоре они жевали какие-то аппетитные колобки со сложной начинкой. Кажется, это называлось «кулебяка». Рукавишникову много раз в местах общественного питания доводилось есть просто «бяку», поэтому булки ему понравились. Ольга тоже ничем не выдала своего аристократического происхождения — уписывала за милую душу, и кофе они с ней выпили по большому стакану, а не по чашечке.

— Жизнь прекрасна! — сказала Ольга, беря его под руку, когда они вышли из кафе.

— А то! — согласился Рукавишников.

К сожалению, в заведении не играла музыка, поэтому он не смог воспользоваться правом человека, который с девушкой обедает, и там же пригласить ее на танец. Однако мысль, как бы продолжить вечер, засела в его коварной голове. Беда в том, что голова тупила, никак не могла придумать никакой стоящей идеи.

Когда они дошли до гостиницы, обсудив дорогой архитектуру Выборга, Рукавишников не нашел ничего лучшего, как спросить Ольгу:

— Что сейчас делать будешь?

— Отдыха-а-ать! — понизив голос, произнесла Ольга, как о чем-то вожделенном. — Упаду на кровать и буду читать книжку.

Если бы Алексей не относился скептически к своей способности декламатора, то предложил бы почитать ей вслух.

Убедившись в отсутствии у нее сомнений на счет того, как провести вечер, ему оставалось лишь поинтересоваться, так, ради продолжения разговора, какую книжку она читает?

— Алеру. Рассказы «Время нашего героя».

Алексей сделал лицо кирпичом:

— Алеру? А кто он? Румын?

— Не знаю, кто, но пишет по-русски. Александр Алеру.

— Значит, молдаванин, — безапелляционно заявил Алексей.

— Какая разница? — спросила Ольга.

— Никакой. Просто, в детстве я зачитывался молдавскими сказками. Только имена у них раньше были трудными для произношения: «Тэндалэ, Пэкалэ...» Еще, мне очень понравился роман писателя Виеру в журнале «Юность». Кажется, он назывался «Река и лист». Там девушка дружила со стариком.

Рукавишникова черт тянул за язык спросить: «Тебе это ничего не напоминает?» — но он прогнал черта. В романе Виеру у старика и девочки явно прослеживалось родство душ, не смотря на разницу в возрасте, а какое родство может быть у Ольги и ее «пожилого» супруга? Никакого — Алексей в этом уверен. Глупость одна. Тем более, старика и девочку связывала дружба в истинном значении этого слова.

Когда они поравнялись с номером Рукавишникова, который по коридору располагался раньше, Алексею ничего не оставалось, как сказать: «Пока».

— Во сколько завтра встаем на зарядку? — спросила Ольга.

— Да, точно! — спохватился Алексей. — Надо же договориться. Предлагаю — в шесть. Как тебе, не рано? Это на первый раз. Поглядим, сколько времени у нас займет гимнастика.

— Хорошо-хорошо, не волнуйся. Я встану!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.